

СЕСИЛИЯ

Внебре

Postscript

P.S. Я люблю тебя

Сесилия Ахерн

P.S. Я люблю тебя

«Азбука-Аттикус»

2004

УДК 821.111-3Ахерн
ББК 84(4Ирл)-44

Ахерн С.

Р.С. Я люблю тебя / С. Ахерн — «Азбука-Аттикус», 2004 — (Р.С. Я люблю тебя)

ISBN 978-5-389-04231-5

Бестселлер прославленной ирландки Сесилии Ахерн «Р.С. Я люблю тебя» – современная история о том, как любовь оказывается сильнее смерти. Потеряв любимого мужа, тридцатилетняя Холли Кеннеди впадает в отчаяние, перестает выходить из дому, общаться с людьми. И вдруг получает по почте пакет с письмами: распечатывать их можно лишь по одному в месяц, а написаны они тем самым человеком, расставание с которым приносит ей такие страдания. Оказывается, незадолго до смерти он решил помочь ей жить дальше. Всякий раз она с нетерпением ждет первого числа, чтобы вскрыть очередной конверт и, строго следуя наставлениям, сделать еще один шаг, возвращающий ее к жизни: купить новое платье, принять участие в конкурсе караоке, съездить на море. Роман переведен почти на полсотни языков, а кинофильм «Р.С. Я люблю тебя», созданный компанией Warner Brothers, триумфально шествует по экранам всего мира.

УДК 821.111-3Ахерн
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-389-04231-5

© Ахерн С., 2004
© Азбука-Аттикус, 2004

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	16
Глава пятая	20
Глава шестая	23
Глава седьмая	25
Глава восьмая	32
Глава девятая	38
Глава десятая	43
Глава одиннадцатая	46
Глава двенадцатая	50
Глава тринадцатая	53
Глава четырнадцатая	59
Глава пятнадцатая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сесилия Ахерн

P.S. Я люблю тебя

Дэвиду

Cecelia Ahern

P.S. I Love You

© Cecelia Ahern 2004

© Дубицкая О. (главы 1–18), Визель М. (главы 19–35), Владимирская Е.
(главы 36–51), перевод на русский язык, 2008

© Черемных Н., дизайн обложки, 2010

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

Издательство Иностранка®

Глава первая

Холли зарылась лицом в голубой свитер, вдохнула знакомый запах, и невыносимое горе снова накрыло ее тяжелой удушливой волной, пронзило ее насквозь, разрывая сердце. По спине и шее прокатился озноб, в горле встал комок, не давая вздохнуть. Ее охватила паника. В доме стояла тишина, нарушаемая только жужжанием холодильника на кухне да редким постукиванием труб. Она была одна. Желчь поднялась к самому горлу. Она побежала в туалет и рухнула на колени перед унитазом.

Реальность заключалась в том, что Джерри ушел и никогда не вернется. Никогда больше ей не провести рукой по его мягким волосам, не засмеяться его шутке за ужином с друзьями, не заплакать на его плече после тяжелого дня на работе, когда ей так нужно, чтобы он ее обнял, не уснуть с ним в одной постели и не проснуться утром от его оглушительного чиха, никогда не хохотать вместе с ним до колик в животе, никогда не спорить, чья очередь вылезать из постели, чтобы выключить свет в спальне. Все, что ей осталось, – это ворох воспоминаний и его лицо, которое с каждым днем утрачивало ясность очертаний.

Их план был предельно прост: прожить вместе всю жизнь. Все, кто их знал, не сомневались: этот план вполне осуществим. Лучшие друзья и любовники, они подходили друг другу как две половинки одного целого, обреченные быть вместе, – так думали все. Но, как это часто случается, настал день, когда злая судьба распорядилась по-другому.

Конец пришел слишком рано. Джерри несколько дней мучился головной болью, и Холли заставила его пойти к врачу. В следующую среду он в обеденный перерыв поехал в больницу. Поначалу врач предположил, что головные боли вызваны стрессом или усталостью, так что самое страшное, что ожидает Джерри, – это необходимость носить очки. Эта перспектива не очень-то его обрадовала. Он расстроился, представив себя очкариком. Но он зря беспокоился – с глазами у него все оказалось в порядке. У него нашли опухоль в мозгу.

Холли нажала на кнопку смыва и, дрожа от холода, с трудом поднялась с кафельного пола. Ему было тридцать. Может, он и не был таким уж здоровяком, но все-таки выглядел вполне нормальным, чтобы... ну, чтобы прожить нормальную жизнь. Когда ему стало совсем худо, он все мужественно шутил, что не стоило так себя беречь. Что ему мешало баловаться наркотиками, пить, путешествовать, прыгать с парашютом, удалять воском волосы на ногах... Он включал в этот список все новые и новые пункты. И хотя он вроде бы смеялся, Холли видела в его глазах сожаление. Он жалел о том, чего уже не успеет сделать, о местах, в которых так и не побывает, о будущем, которого у него больше не будет. Жалел ли он о годах, которые прожил с ней? Холли никогда не сомневалась в том, что он ее любит, но теперь испугалась: вдруг ему покажется, что он зря потратил с ней драгоценное время.

Теперь ему отчаянно хотелось дожить до старости, которая перестала видаться неизбежным кошмаром. Раньше они не верили, что старость может стать пределом мечтаний – какая самонадеянность! Они изо всех сил старались отсрочить старость.

Холли слонялась из комнаты в комнату, глотая крупные соленые слезы. Глаза покраснели и причиняли боль. Ей казалось, что эта ночь никогда не кончится. Ни в одной из комнат она не находила покоя, во всем доме царила угрюмая тишина. Она посмотрела на мебель, и ей вдруг так захотелось, чтобы диван протянул к ней руки и обнял ее. Нет, он оставался равнодушным.

Джерри бы ее не одобрил, подумала она. Она сделала глубокий вдох, вытерла слезы и постаралась взять себя в руки. Нет, ему это совсем не понравилось бы.

Как и все эти последние недели, она только под утро забылась некрепким сном. И, как каждое утро, проснулась в неудобной позе там, где накануне заснула, – сегодня на диване в

гостиной. И снова ее разбудил телефонный звонок. Очередной заботливый родственник или кто-то из друзей. Они, наверное, думали, что она спокойно спала всю ночь. Где они были, когда она бродила по дому как зомби, не находя себе места в поисках... Чего? Что она пыталась найти?

– Алло, – ответила она слабым голосом, хриплым от пролитых слез. Она уже давно бросила попытки храбриться. Умер ее самый лучший друг, и разве кому-нибудь понять, что никаким количеством косметики, свежего воздуха или шопинга не заполнить дыру в ее сердце.

– Ой, прости меня, солнышко, я тебя разбудила? – Холли узнала обеспокоенный голос своей матери. Мать звонила каждое утро, чтобы убедиться: Холли пережила еще одну одинокую ночь. Как ни боялась она ее разбудить, все же каждый раз, услышав ее, испытывала радостное облегчение – значит, дочь снова сумела сразиться с ночными призраками.

– Нет, ничего страшного, я просто вздремнула. – Холли всегда отвечала одно и то же.

– Твой отец и Деклан уехали, и я подумала о тебе, зайка.

Почему при звуках этого родного, утешающего голоса у Холли на глаза всегда наворачивались слезы? Она представила себе лицо матери с тревожно нахмуренными бровями, с наморщенным лбом. Оно ее не успокоило, а, наоборот, заставило вспомнить, почему родные так о ней беспокоятся. Лучше бы не беспокоились, лучше бы все шло нормально, и Джерри сидел бы сейчас рядом, закатывал глаза и смешил ее, пока мать что-то болтала по телефону. Как часто Холли приходилось передавать трубку Джерри, потому что сама она от хохота не могла больше вымолвить ни слова! Он непринужденно беседовал с ее мамой, не обращая никакого внимания на Холли, которая скакала, как сумасшедшая, вокруг кровати, корча дурацкие гримасы, пытаясь в отместку и его рассмешить. Ей это редко удавалось.

Она старательно агакала и хмыкала на протяжении всего разговора, хотя мало что из него понимала.

– Сегодня чудесная погода, Холли. Почему бы тебе не пойти прогуляться? Подышишь свежим воздухом.

– Ну да, наверное. – Опять она о свежем воздухе, как будто он панацея от всех ее бед.

– Хочешь, я заеду к тебе попозже и мы поболтаем?

– Нет, мам, спасибо, не надо.

Они помолчали.

– Ну, хорошо... Если передумаешь, перезвони. Я сегодня весь день дома.

– Хорошо.

Снова молчание.

– Спасибо, мам.

– Ну ладно, береги себя, детка.

– Хорошо, мам. Не волнуйся.

Холли собиралась повесить трубку, когда мать спохватилась:

– Ой, Холли, чуть не забыла. То письмо все еще ждет тебя – помнишь, я тебе о нем говорила? Оно на кухонном столе. Может, заедешь? А то оно валяется у нас уже несколько недель... А вдруг там что-то важное?

– Да вряд ли. Наверное, просто еще одно выражение соболезнаваний.

– Нет, зайка, не думаю. Оно адресовано тебе, и там еще приписано... Подожди, я за ним схожу...

Мать Холли положила трубку на стол, и Холли услышала стук каблуков по кафельному полу, скрежет передвигаемого стула, снова стук шагов. Мать снова заговорила:

– Ты слушаешь?

– Да.

– Здесь сверху стоит слово «Список». Может, это с работы или что-то в этом роде? Ты бы все-таки заехала, а?..

Холли выронила трубку.

Глава вторая

– Джерри, выключи свет!

Холли хихикала, глядя, как ее муж раздевается перед ней. Он показывал стриптиз, нарочито медленно расстегивая своими длинными худыми пальцами белую рубашку. Он подмигнул Холли и приподнял одну бровь, рубашка соскользнула с его плеч, он поймал ее правой рукой и через голову швырнул в угол спальни.

Холли снова расхохоталась.

– Выключить свет? Но тогда ты ничего этого не увидишь!

Джерри, играя мышцами, лукаво улыбнулся. Он никогда не кичился своей фигурой, хотя и мог бы – поводов ему хватало, подумала Холли. У него было сильное и прекрасно тренированное тело. Часы в тренажерном зале сделали его длинные ноги мускулистыми. Не отличаясь особенно высоким ростом, он все-таки возвышался над Холли, которая со своими пятью футами пятью дюймами рядом с ним чувствовала себя совершенно защищенной. Ей страшно нравилось, обнимая его, уткнуться головой ему в подбородок и ощутить у себя на волосах его дыхание.

Ее сердце забилось сильнее, когда он спустил трусы, поймал их пальцами ноги и бросил в нее так, что они приземлились ей на голову.

– Ну, по крайней мере, так темнее, – засмеялась она. Он всегда умел ее рассмешить. Когда она возвращалась с работы, усталая и злая, он с сочувствием выслушивал ее жалобы. Они очень редко ругались, а если и ссорились, то по пустякам, над которыми потом вместе смеялись, например, по поводу того, кто оставил свет на террасе гореть целый день или кто забыл вечером включить сигнализацию.

Джерри закончил свой сеанс стриптиза и прыгнул в постель. Он удобно устроился рядом с ней, сунув свои ледяные ступни ей под ноги, чтобы согреться.

– А-а-а-а! Джерри, у тебя вместо ног ледышки!

Холли знала, что означала эта поза, – что он не сдвинется ни на дюйм.

– Джерри! – В голосе Холли звучала угроза.

– Холли, – передразнил он.

– Ты ничего не забыл?

– Нет, по-моему, нет, – ответил он.

– А свет?

– Ах, да, свет, – сказал он сонным голосом и изобразил громкий храп.

– Джерри!

– Насколько я помню, вчера ночью мне уже пришлось вылезать из-под одеяла и выключать свет.

– Но ты же секунду назад стоял рядом с выключателем!

– Да-да... – сонно повторил он. – Всего секунду назад.

Холли вздохнула. Ей ужасно не хотелось вылезать из уютной теплой постели, шлепать по холодному полу, а потом, спотыкаясь в темноте, пробираться обратно к кровати.

– Не могу же я все время все делать сам. Понимаешь, Хол? Когда-нибудь меня не станет, и как ты будешь тогда?

– Заставлю выключать свет своего нового мужа, – сердито буркнула Холли, выбираясь из-под его холодных ног.

– Ах вот как?!

– Или сама буду не забывать выключить свет, пока не легла.

– Вот уж чему не бывать, тому не бывать, – фыркнул Джерри. – Ну ладно. Накануне кончины я прилеплю на выключатель записку. Тогда ты, моя хорошая, может, еще и вспомнишь.

– Какая забота! Но лучше просто завещаю мне все свои деньги.

– И еще одну записку на обогреватель, – продолжил он.

– Ха-ха.

– И на пакет с молоком.

– Очень смешно, Джерри!

– Да, чуть не забыл – еще на окна, чтобы ты по утрам не открывала их при включенной сигнализации.

– Слушай, может, тебе просто составить для меня список всего, что я должна делать? И приложи его к завещанию! Раз уж ты так уверен, что без тебя я прожить не в состоянии?

– Неплохая идея, – рассмеялся он.

– Прекрасно, я сама выключу этот чертов свет.

Недовольная Холли вылезла из кровати, ступила на ледяной пол, скорчив гримасу, и выключила свет. Затем она вытянула руки перед собой и как слепая начала медленно продвигаться к кровати.

– Эй, Холли! Ты что, заблудилась? Ау! Здесь есть кто-нибудь? – кричал Джерри из темноты.

– Есть, есть! О-о-ой-ой-ой! – взвизгнула она, ударившись ногой о ножку кровати. – Черт, черт, черт, черт, блин, черт, дерьмо!

Джерри подавил рвущийся наружу смех и спрятал голову под одеяло.

– Второй пункт в моем списке: опасайся ножек кровати... – прогудел он оттуда.

– Джерри, заткнись! И перестань говорить о смерти, – огрызнулась Холли, массируя свой бедный палец.

– Хочешь, я его поцелую? – спросил он.

– Ничего, все нормально, – скорбно отозвалась Холли. – Сейчас просто суну ноги под одеяло, чтобы согреться...

– А-а-а-а! Боже, они как ледышки!

И это ее снова рассмешило.

Так и родилась эта самая шутка про список. Этой дурацкой идеей они поделились со своими лучшими друзьями – Шэрон и Джоном Маккарти.

Именно Джон, когда им было по четырнадцать, подошел в школьном коридоре к Холли и произнес классическую фразу: «Один мой друг хочет с тобой гулять». Потратив несколько дней на горячие обсуждения с подругами, Холли в конце концов уступила.

– Да соглашайся ты, Холли, – убеждала ее Шэрон. – Он такой красавчик! По крайней мере, не такой прыщавый, как Джон.

Как Холли теперь завидовала своей подруге! Шэрон и Джон поженились в тот же год, что и Холли с Джерри. Холли исполнилось двадцать три, и она считалась в их компании малявкой – остальным стукнуло по двадцать четыре. Кое-кто говорил, что ей рано выходить замуж, – в таком возрасте надо путешествовать и вообще получать от жизни удовольствие. Ну и что? Джерри и Холли просто стали путешествовать вместе. Так было намного лучше, потому что, стоило им расстаться, Холли чувствовала себя так, словно ее тело лишилось какого-то жизненно важного органа.

День, когда они поженились, не стал лучшим днем ее жизни. Как большинство девчонок, она мечтала о сказочной свадьбе: платье как у принцессы и солнечная погода, романтическое место, а рядом – все те, кого она любит. Она ждала праздничного вечера и предвкушала, как будет танцевать с друзьями, как все будут ею восхищаться и она в полной мере ощутит свою исключительность. Реальность оказалась совсем другой.

Она проснулась в родительском доме от громких криков отца («Куда запропастился мой галстук?!») и матери («У меня на голове полный бардак»), заглушаемых воплем: «Черт, я

похожа на бегемотиху! Не собираюсь идти на эту чертову свадьбу в таком виде! Да я от стыда сгорю! Мам, посмотри на меня! Пусть Холли ищет себе другую подружку невесты, потому что я никуда не иду! Эй, Джек, отдай этот чертов фен, я еще не закончила!» Это незабываемое выступление принадлежало младшей сестре Холли Киаре, которая регулярно устраивала истерики и отказывалась выходить из дома под тем предлогом, что ей нечего надеть, хотя ее шкаф ломился от тряпок. Теперь она живет где-то в Австралии, и единственным средством связи с ней стала электронная почта, по которой родственники раз в несколько недель получают от нее письмо. Родители Холли потратили оставшуюся часть утра на то, чтобы убедить Киару, что она самая красивая девушка на свете. А Холли в это время в ужасном настроении одевалась у себя в комнате. Киара в конце концов все-таки согласилась выйти из дома, но лишь после того, как отец, вообще-то человек очень спокойный, заорал на нее так, что все вокруг рот разинули от изумления. «Киара, – кричал он, – эта чертова свадьба Холли, а НЕ ТВОЯ! И ты, черт возьми, поедешь с нами и будешь радоваться за сестру, а когда Холли спустится вниз, ты скажешь ей, что она прекрасно выглядит, и чтоб я больше звука от тебя не слышал весь день!»

Поэтому, когда Холли спустилась вниз, все заохали и заахали, а Киара посмотрела на нее сквозь слезы, как ребенок, которого только что отшлепали, и дрожащими губами проговорила: «Ты выглядишь прекрасно, Холли». Всемером они втиснулись в лимузин – Холли, родители, три брата и Киара – и всю дорогу до церкви сидели в испуганном молчании.

Теперь воспоминания о том дне сливались для нее в одно расплывчатое пятно. Ей почти не дали перемолвиться с Джерри – их тянули в разные стороны, чтобы познакомить с двоюродной бабушкой Бетти, которая жила черт знает где и которую Холли до того ни разу в жизни не видела, или двоюродным дедушкой Тоби, который прибыл из Америки и о существовании которого прежде никто даже не упоминал, но который теперь вдруг сделался очень важным членом семьи.

Никто не предупредил ее, что этот день окажется таким утомительным. К концу вечера челюсть у Холли разболелась от улыбок для фотографий, а ноги от беготни на этих идиотских каблучках просто отваливались. Ей ужасно хотелось присоединиться к большому столу, за которым собрались ее друзья, весь вечер радостно хохотавшие и, судя по всему, прекрасно проводившие время. Хорошо некоторым, думала Холли. Но, как только Холли вошла вместе с Джерри в номер для новобрачных, все ее беспокойство растаяло без следа и весь смысл этого дня стал ей совершенно ясен.

Слезы покатались по лицу Холли, и она поняла, что опять бредит наяву. Она неподвижно сидела на диване, а телефонная трубка все еще лежала рядом. В эти дни время как будто текло мимо нее, и она понятия не имела, который сейчас час или даже день недели. Ей казалось, что она живет вне собственного тела, не чувствуя ничего, кроме боли в сердце, в костях, в голове. Она ужасно устала... У нее заурчало в животе, и она попыталась вспомнить, когда ела в последний раз. Вроде бы вчера?

Шаркая, она потащила на кухню, набросив на плечи халат Джерри и сунув ноги в свои любимые розовые тапочки диско-дивы, которые Джерри подарил ей на прошлое Рождество. Он называл ее своей диско-дивой. Она всегда выходила на танцпол первой и покидала клуб последней. Где теперь эта девушка? Она открыла холодильник и уставилась на пустые полки. Какие-то овощи и давно просроченный йогурт, источавший кошмарную вонь. Она слабо улыбнулась, встряхнув пакет молока. Пустой. Третий пункт в его списке...

Два года назад перед самым Рождеством Холли вместе с Шэрон отправилась по магазинам, купить платье для бала в отеле «Берлингтон», на который они ходили каждый год. Шопинг в компании с Шэрон всегда был рискованным занятием, и Джон с Джерри шутили, что и на этот раз из-за транжирства своих жен они останутся без рождественских подарков. Они не так уж и ошибались. Бедные забытые мужья – так называли их подруги.

В магазине «Браун Томас» Холли уплатила совершенно неприличную сумму денег за белое платье – самое красивое, какое она когда-либо видела.

– Черт, Шэрон, оно прожжет огромную дыру в моем кармане, – виновато сказала она, закусывая губу и ошупывая мягкую ткань.

– Да не волнуйся ты, Джерри ее заштопает, – ответила Шэрон со своим неподражаемым хохотком. – И перестань называть меня «черт Шэрон». Ты постоянно меня так обзываешь, когда мы ходим по магазинам, а я ведь могу и обидеться. Купи это чертово платье, Холли. В конце концов, сейчас Рождество, время подарков, и все такое.

– Боже, ты просто искусительница, Шэрон! Чтоб я еще пошла с тобой по магазинам! Это платье сожрет половину моей зарплаты. Что я буду делать в оставшиеся две недели?

– Холли, что для тебя важнее – есть или классно выглядеть?

– Я беру его, – обращаясь к продавцу, возбужденно сказала Холли.

У платья был глубокий вырез, выгодно подчеркивавший аккуратную небольшую грудь Холли, а сбоку – разрез, открывавший взорам ее стройные ноги. Джерри глаз от нее не мог оторвать. Но не потому, что она понравилась ему в этом платье. Просто он был не в состоянии понять, почему такой маленький кусок материи так дорого стоит. На балу миссис Дискодива, как обычно, слишком увлеклась спиртными напитками и умудрилась испортить платье, забрызгав его красным вином. Холли пыталась сдержать слезы, но ей это не удалось, а подвыпившие мужчины сочли своим долгом напомнить женам, что под номером пятьдесят четыре в списке идет запрет на употребление красного вина во время ношения безумно дорогих белых платьев. После этого уже никто не спорил, что предпочтительным напитком в этом случае является молоко, так как оно не оставляет следов на безумно дорогих белых платьях.

Чуть позже, когда Джерри уронил свой стакан и пиво полилось со стола прямо на колени Холли, она со слезами на глазах серьезно объявила друзьям и сидящим за соседними столиками посетителям: «Правило пиддисят пятое. НИКАДА-НИКАДА не пкпайте дрррогих белых платьев!» С этим все радостно согласились, и даже Шэрон, лежавшая в коме где-то под столом, очнулась и зааплодировала в знак моральной поддержки. Они дождались, когда потрясенный официант принесет поднос, заставленный стаканами молока, и подняли тост за Холли и предложенный ею прекрасный новый пункт списка.

– Соболезную по поводу твоего безумно дорогого белого платья, Холли, – сказал Джон, икнув, после чего выпал из такси и волоком потащил Шэрон к дому.

Неужели Джерри сдержал слово и действительно накануне смерти составил для нее список? Она безотрывно сидела рядом с ним все последние дни его жизни, до самой кончины, но он ни о чем таком не заговаривал и ничего при ней не писал. Хватит, Холли, приказала она себе, возьми себя в руки и не будь душой. Она так отчаянно хотела, чтобы он вернулся, что воображала самые невероятные вещи. На самом деле, он не стал бы его писать. Или стал бы?

Глава третья

Холли шла по поляне, сплошь поросшей тигровыми лилиями. Дул легкий ветерок, и, когда она пробиралась через длинные ярко-зеленые стебли травы, шелковистые лепестки щекотали кончики ее пальцев. Земля мягко пружинила под ее голыми ступнями, а тело казалось таким легким, словно она не шла, а плыла над податливой землей. Птицы деловито носились вокруг нее, насвистывая веселые песенки. Солнце в безоблачном небе светило так ярко, что ей приходилось прикрывать глаза рукой, и с каждым дуновением ветерка ее ноздри наполнялись сладким ароматом лилий. Она чувствовала себя такой счастливой, такой свободной...

Вдруг быстро растущая серая туча заслонила солнце, и небо потемнело. Ветер усилился, стало холодно. Лепестки лилий закружились в воздухе как безумные, засты ей взгляд. Мягкая земля превратилась в нагромождение острых камней, которые кололи и резали ее ступни при каждом шаге. Птицы перестали петь, расселись по веткам и устали на нее. Что-то пошло не так, и ее охватил страх. Тут она увидела в высокой траве серый камень. Ей хотелось убежать назад, к прекрасным цветам, но она понимала: ей надо узнать, что там прячется в траве.

Она крадучись двинулась вперед и вдруг услышала оглушительный стук: «БУМ! БУМ! БУМ!» Она ускорила шаг и побежала. Острые камни ранили ей ноги, трава резалась и кололась. Добежав до серой плиты, она рухнула перед ней на колени и закричала от боли, поняв, что это такое. Могила Джерри. БУМ! БУМ! БУМ! Он пытался выбраться из могилы. Он звал ее по имени, она слышала его голос!

Холли чуть не подскочила, проснувшись от громкого стука во входную дверь.

– Холли! Холли! Я знаю, что ты там! Пожалуйста, открой! – БУМ! БУМ! БУМ!

Еще не до конца проснувшись, она как в тумане доплелась до двери, открыла ее и увидела взволнованную Шэрон.

– Господи! Что ты там делала? Я целую вечность колочу в дверь!

Все еще одурманенная недавним сном, Холли выглянула на улицу. Было светло и немного прохладно – должно быть, утро.

– Ну, ты меняпустишь наконец?

– Конечно, Шэрон, извини. Я просто задремала на диване.

– Господи, ты выглядишь кошмарно, Хол. – Шэрон внимательно посмотрела ей в лицо и крепко ее обняла.

– О, спасибо. – Холли закатила глаза и повернулась, чтобы закрыть дверь. Шэрон никогда не ходила вокруг да около, но именно за это Холли ее и любила. По этой же причине Холли весь этот месяц старательно избегала подругу. Она не хотела слышать правду. Не хотела слышать, что должна жить дальше. Она просто хотела... Она сама не знала, чего хотела. Ей нравилось быть несчастной. Это казалось ей правильным.

– Боже, как здесь душно! Когда ты открывала окна в последний раз? – Шэрон быстро пошла по дому, открывая окна и собирая пустые чашки и тарелки. Она отнесла их на кухню, положила в посудомоечную машину и принялась наводить порядок.

– Слушай, Шэрон, брось ты это... – вяло запротестовала Холли. – Я сама...

– Когда? В будущем году? Мне не нравится, что ты живешь в помойке, а мы все делаем вид, что ничего не замечаем. Почему бы тебе не пойти наверх и не принять душ, а потом, когда ты спустишься, выпьем чаю?

Душ. Когда она мылась в последний раз? Шэрон права, она, наверное, выглядит ужасно – сальные волосы с отросшими темными корнями, грязный халат. Халат Джерри. Эту вещь она ни за что не стала бы стирать. Она хотела, чтобы халат оставался в точности таким, каким его носил Джерри. К сожалению, запах Джерри постепенно выветривался, сменяясь противным запахом ее собственного немытого тела.

– Хорошо, только молока нет. Я давно не выходила...

Холли стало стыдно, что она так запустила себя и свой дом. Она ни за что не позволит Шэрон заглянуть в холодильник, иначе та точно сдаст ее в психушку.

– Танцуй! – пропела Шэрон, покачивая пакетом, которого Холли вначале не заметила. – Не волнуйся, я обо всем позаботилась. Судя по твоему виду, ты несколько недель не ела.

– Спасибо, Шэрон. – В горле Холли образовался комок, на глаза навернулись слезы.

– Стоп! Сегодня никаких слез! Только веселье, смех и всеобщее счастье! Вот так-то, дорогая подруга. А теперь быстро в душ!

Когда Холли снова спустилась вниз, она чувствовала себя почти человеком. Она надела голубой спортивный костюм и распустила свои длинные светлые – темные у корней – волосы. Все окна внизу были распахнуты настежь, и в лицо ей дунуло прохладным ветерком. Ей даже показалось, что он уносит прочь всю ее печаль и страхи. Мысль о том, что, возможно, ее мать все-таки права, вызвала у Холли улыбку. Она сбросила оцепенение, огляделась вокруг и от удивления разинула рот. Она отсутствовала не больше получаса, но за это время Шэрон успела все пропылесосить, вымыть полы, вытереть пыль, взбить подушки на диване и разбрызгать во всех комнатах освежитель воздуха. Холли двинулась на шедший из кухни звук – это Шэрон чистила плиту. Столы и шкафы, краны и сушка для посуды сверкали чистотой.

– Шэрон, ты просто ангел! Я поверить не могу, что ты все это сделала. Когда ты успела?!

– Ха! Тебя больше часа не было. Я уж начала думать, что тебя засосало в слив. Что при твоих нынешних размерах пара пустяков. – Она оглядела Холли с ног до головы.

Неужели целый час? Холли, похоже, снова бредила наяву.

– Короче, я купила овощи и фрукты, сыр и йогурты, и молоко конечно. Где ты держишь макароны и консервы, я не знаю, поэтому пока положила их вот сюда. А в морозильник сунула несколько упаковок готовых ужинов – разогреешь в микроволновке. На какое-то время тебе хватит. Правда, судя по твоему виду, тебе этого и за год не съесть. На сколько ты похудела?

Холли взглянула на себя. Спортивные штаны сзади обвисли и, несмотря на то что пояс на талии она затянула как можно туше, уже успели сползти до самых бедер. А она и не заметила, что так сильно похудела.

Голос Шэрон снова вернул ее к реальности:

– Я купила тебе печенье к чаю – «Джэмми Доджерс», твоё любимое.

Ну нет, это уже слишком. Мысль о печенье опять вызвала у нее слезы.

– Спасибо тебе, Шэрон, – запричитала она, – спасибо! Ты такая добрая, а я, я вела себя как последняя стерва! – Она села за стол и схватила Шэрон за руку. – Не знаю, что бы я без тебя делала! – Шэрон сидела напротив нее в молчании, словно приглашая подругу излить душу. Именно этого Холли и боялась – что может разрыдаться на людях в самый неподходящий момент. Но сейчас она не чувствовала стыда. Шэрон спокойно пила свой чай и держала Холли за руку, как будто так и надо. Наконец она перестала плакать.

– Спасибо.

– Я твоя лучшая подруга, Хол. Если не я, то кто тебе поможет? – сказала Шэрон, сжав руку Холли и ободряюще улыбнувшись.

– Наверное, я сама могла бы помочь себе.

– Ну-ну, – фыркнула Шэрон, махнув рукой. – Поможешь, когда будешь к этому готова. И не обращай внимания на тех, кто говорит, что ты должна вернуться к нормальной жизни через месяц. Горе – это тоже часть помощи самой себе.

Шэрон всегда умела найти правильные слова.

– Ага, по этой части я уже профессионал. Горе льется из меня рекой.

– Еще бы! – сказала Шэрон в шутливом раздражении. – Всего через месяц после того, как ты похоронила мужа.

– Ой, не надо об этом! Хотя ведь остальные будут постоянно мне об этом напоминать, правда?

– Наверное, но наплюй на них! Есть грехи пострашнее, чем снова научиться быть счастливой.

– Наверное.

– Пообещай мне, что начнешь есть.

– Обещаю.

Они помолчали.

– Спасибо, что зашла, Шэрон. Я правда рада, что мы с тобой поговорили, – сказала Холли, с благодарностью обнимая подругу. – Мне уже намного лучше.

– Знаешь, тебе надо чаще бывать с людьми, Хол. Друзья и родные – хорошая помощь. Хотя твои родные вряд ли, – пошутила Шэрон. – Но уж мы-то, по крайней мере, всегда поставим тебе плечо.

– Теперь я это понимаю. Просто сначала я думала, что смогу справиться сама.

– Пообещай, что заедешь к нам. Или хотя бы выберешься из дома.

– Обещаю. – Холли закатила глаза. – Ты говоришь, как моя мать.

– Мы просто все за тебя волнуемся. Ну ладно, увидимся! – сказала Шэрон, целуя Холли в щеку. – И ешь! – добавила она, ткнув ее пальцем в ребра.

Холли помахала Шэрон рукой, когда та отъезжала от ее дома. Уже почти стемнело. Они провели вместе весь день, смеясь над общим прошлым, потом заплакали и снова смеялись, а потом опять плакали. Холли взглянула на происшедшее глазами Шэрон. До этого Холли даже не думала, что Шэрон и Джон потеряли своего лучшего друга, что ее родители потеряли зятя, а родители Джерри – своего единственного сына. Она была слишком занята мыслями о самой себе. Хорошо снова быть с живыми – куда лучше, чем тосковать по призракам прошлого. Завтра будет новый день. Завтра она обязательно заберет тот конверт.

Глава четвертая

Холли хорошо начала утро пятницы – во-первых, встала рано. И все же, хотя спать она ложилась полной оптимизма в радостном предвкушении новых перспектив, утром на нее снова обрушилась жестокая реальность: отныне ничто в ее жизни не будет таким, как прежде. Она снова проснулась в пустой постели, в тишине пустого дома. Впрочем, кое-что изменилось. Впервые за целый месяц она проснулась сама, никто не будил ее телефонным звонком. И, как и каждое утро, ей опять пришлось мучительно приучать себя к мысли о том, что сны, в которых они с Джерри были вместе, – не более чем сны.

Она приняла душ, натянула свои любимые удобные джинсы, светло-розовую футболку, обулась в кроссовки. Насчет ее веса Шэрон попала в самую точку: джинсы, когда-то сидевшие на ней в обтяжку, теперь держались на талии только благодаря ремню. Она скорчила собственному отражению в зеркале гримасу. Выглядела она ужасно: темные круги под глазами, потрескавшиеся искусанные губы, на голове полный кошмар. Первым делом она должна отправиться к парикмахеру и упростить, чтобы он принял ее без записи.

– Го-о-осподи, Холли! – воскликнул Лео, ее стилист. – Ты только посмотри на себя! На кого ты похожа! Люди, расступитесь, дайте ей пройти! Пропустите! У меня здесь женщина в критическом состоянии! – Он подмигнул ей, продолжая теснить посетителей и работников салона. Затем выдвинул кресло и толкнул ее в него.

– Спасибо, Лео. Теперь я чувствую себя очень привлекательной, – пробормотала Холли, стараясь спрятать свое лицо цвета помидора.

– И совершенно напрасно, потому что выглядишь ты ужасно. Сандра, смешай мне то же, что всегда. Колин, готовь фольгу! Таня, принеси мне мою сумку со второго этажа! Да, и скажи Уиллу, чтобы не вздумал уйти обедать, – он будет стричь мою клиентку, которая записана на двенадцать. – Лео раздавал приказы, размахивая руками, как безумный, как будто ему предстояла срочная хирургическая операция. Вероятно, так оно и было.

– Извини, Лео, я не хотела путать твои планы.

– Конечно, хотела, дорогая. Иначе зачем бы ты прибежала сюда в обеденное время в пятницу без записи? Ради мира во всем мире?

Холли виновато прикусила губу.

– Но я бы не поменял свои планы ни для кого, кроме тебя, дорогая.

– Спасибо.

– Ну как ты? – Он повернулся лицом к Холли, пристроив свою худую задницу на край стола. Ему было уже за пятьдесят, но выглядел он не старше тридцати пяти. С волосами цвета меда, прекрасно гармонировавшими с такой же медовой кожей, всегда безупречно одетый, он одним своим присутствием заставлял любую женщину почувствовать себя замарашкой.

– Ужасно.

– Заметно.

– Спасибо.

– Ну, по крайней мере, когда ты отсюда выйдешь, одна из твоих проблем будет решена. Я занимаюсь волосами, а не сердцами.

Холли благодарно улыбнулась за такой своеобразный способ высказывать сочувствие.

– Го-о-осподи, Холли! Разве ты не заметила, что написано на двери салона?! «Маг и волшебник»! Ты бы видела, кто у меня сегодня был. Молодая старуха лет под шестьдесят. Дает мне журнал с Дженнифер Энистон на обложке и заявляет: «Хочу выглядеть точно так же».

На лице Лео появилось такое выражение, что Холли расхохоталась. Рассказывая, он корчил гримасы и бурно жестикулировал.

– Господи ты боже мой, говорю я ей, я парикмахер, а не пластический хирург! Есть только один способ сделать так, чтобы вы выглядели, как она, – вырезать из журнала фотографию и прикрепить ее степлером к вашей голове.

– Не может быть! – От удивления у Холли отвисла челюсть. – Лео, неужели ты ей так и сказал?

– Так и сказал! Кто-то же должен был сказать ей правду! И разве я ей этим не помог? Заявилась сюда одетая, как тинейджер. Ты бы ее видела!

– И что она ответила? – Холли вытерла слезы, выступившие на глаза от смеха. Она несколько месяцев так не смеялась.

– Ну, я полистал журнал, нашел симпатичную фотографию Джоан Коллинз и сказал, что это как раз для нее. Она вроде осталась довольна.

– Лео, может, ты просто слишком ее запугал? Попробовала бы она сказать, что недовольна!

– Да мне все равно! У меня и без нее друзей хватает.

– Не ясно только откуда, – засмеялась Холли.

– Не двигайся, – приказал ей Лео. Неожиданно он стал очень серьезным. Разделяя волосы Холли на пряди, чтобы начать окраску, он сжал губы с таким сосредоточенным видом, что Холли снова не выдержала.

– Ну хватит, Холли! – сказал Лео в отчаянии.

– Ничего не могу с собой поделать! Сам меня рассмешил, а теперь я не могу остановиться...

Лео замер и бросил на нее веселый взгляд:

– Я всегда говорил, что ты кончишь в психушке. Только меня никто никогда не слушает. Она залилась еще пуще:

– Прости, Лео. Не знаю, что со мной, просто не могу остановиться. – От смеха у Холли заболел живот. Она видела, что клиенты салона удивленно косятся на нее, но перестать смеяться не могла. Как будто весь смех, скопившийся за последние два месяца, хлынул из нее разом.

Лео оперся о стойку и смотрел на нее:

– Слушай, брось извиняться! Смейся сколько хочешь. Говорят, для сердца полезно.

– Я давно так не смеялась, – сквозь смех проговорила Холли.

– Мне кажется, у тебя давно не было повода, – грустно улыбнулся Лео. Он тоже любил Джерри. Они подкалывали друг друга, когда встречались, но оба понимали, что это в шутку. Лео вышел из задумчивости, игриво взъерошил волосы Холли и поцеловал ее в макушку. – У тебя все будет хорошо, Холли Кеннеди.

– Спасибо, Лео, – сказала она, успокаиваясь. Ее тронула его забота. Он принялся за работу, и на его лице снова появилось забавное выражение сосредоточенности, опять рассмешившее Холли.

– Смейся, смейся... Посмотрим, что ты скажешь, если чисто случайно я тебя покрашу в полоску. Посмотрим, кто тогда будет смеяться.

– А как там Джо? – спросила Холли, меняя тему, пока на нее не напал новый приступ смеха.

– Он меня бросил, – сказал Лео, агрессивно нажимая ногой на педаль кресла, отчего Холли начала рывками подниматься выше.

– О-о-о, Лео, как жа-а-а-алко... Вы были такой чудесной па-а-а-арой.

– Наверное. Но мы больше не пара. Мне кажется, он с кем-то встречается. Слушай, я использую два оттенка: золотистый и светлый, который был у тебя раньше. Иначе получится медный, а его я приберегаю только для дам легкого поведения.

– О, Лео. Мне так жаль. Будь у него мозги, он бы понял, как много потерял.

– Значит, у него их нет. Мы разошлись два месяца назад, но пока он этого не понял. Или понял, но ему все равно. И вообще, мужчины мне надоели. Я склоняюсь к традиционной ориентации.

– В жизни не слышала ничего глупее, Лео...

Холли выскочила из салона в отличном настроении. Она была одна, без Джерри, и несколько мужчин посмотрели в ее сторону. Отвыкшая от такого внимания, она смутилась и поспешила спрятаться в машине. Надо подготовиться к встрече с родителями. Пока день складывался удачно. Она правильно поступила, побывав у Лео. Несмотря на свое разбитое сердце, он так старался ее рассмешить. Холли это оценила.

Она остановила машину возле родительского дома в Портмарноке и, прежде чем выйти, глубоко вдохнула. Рано утром Холли позвонила матери – договориться, когда они увидятся, чем немало ее удивила. Сейчас часы показывали половину четвертого, Холли сидела в машине рядом с родительским домом, и ее бил легкий озноб. В последние два месяца Холли почти не общалась с родителями, хотя они несколько раз навещали ее. Она не хотела ничьей заботы, не хотела, чтобы ее постоянно спрашивали, как она себя чувствует и что собирается делать дальше. Но теперь настало время побороть страх. Ведь это же ее семья.

Прямо через дорогу от дома лежало море. На пляже развевался голубой флаг – свидетельство его чистоты. Холли вышла из машины и посмотрела на море. Она жила здесь с рождения до того дня, когда переехала к Джерри. Она любила слушать, как волны бьются о камни, как взволнованно кричат чайки. Пляж вместо сада перед домом – разве это не здорово, особенно летом? Шэрон жила за углом, и в жаркие дни девочки в своих лучших летних платьях бегали через дорогу, высматривая самых симпатичных мальчиков. Холли и Шэрон были полной противоположностью друг другу: Шэрон – белокожая брюнетка с большим бюстом, Холли – смугловатая блондинка с маленькой грудью. Шэрон всегда вела себя шумно, перекрикивалась с мальчишками, приглашая их присоединиться к ним. Холли предпочитала молчаливый флирт – она просто сидела и смотрела на понравившегося мальчика, пока тот этого не заметит. На самом деле обе они с тех пор не слишком сильно изменились.

Холли не собиралась долго сидеть у родителей. Перекинется парой слов с матерью и заберет конверт – неужели это и в самом деле письмо от Джерри? – вот и все. Сколько можно мучиться, раздумывая, что же там такое? Сделав глубокий вдох, она нажала на звонок и растянула свой рот в улыбке.

– Привет, детка! Входи, входи! – Мать встретила ее, как всегда, ласково. Всякий раз, видя это доброе лицо, Холли хотелось его расцеловать.

– Привет, мам! Как ты? – Холли вошла и сразу почувствовала уютный запах родного дома. – Ты одна?

– Да. Отец с Декланом поехали покупать краску для его комнаты.

– Только не говори мне, что вы с папой до сих пор все ему покупаете!

– Ну, отец наверное, а я точно нет. Деклан теперь работает по ночам, так что хоть какие-то карманные деньги у него есть. Но на хозяйство не тратит ни пенни, – усмехнувшись, сказала она, провела Холли на кухню и поставила чайник.

Младший брат Холли Деклан до сих пор считался в семье «малышом», и родители все еще полагали, что должны его баловать. Но «малышу» стукнуло уже двадцать два, он учился в колледже на кинопродюсера и постоянно носился с камерой в руках.

– И что за работу он нашел?

Мать подняла глаза к небу:

– Играет в какой-то группе. «Рыба в оргазме», или что-то в этом роде. Мне до смерти надоело слышать об этом, Холли. Если опять начнет плести, кто пришел к ним на концерт, обещал контракт, чтобы они поскорее прославились, я с ума сойду.

– Ах, бедный Дек. Не волнуйся, он в конце концов что-нибудь найдет.

– Да знаю. На самом деле о нем я волнуюсь меньше, чем о любом из вас. Он себе место в жизни найдет.

Они взяли чашки, прошли в гостиную и сели перед телевизором.

– Ты прекрасно выглядишь, киска. Удачный цвет. Как ты думаешь, Лео согласится надолго поработать? Или я для этого слишком старая?

– Ну, если ты не хочешь прическу, как у Дженнифер Энистон, у тебя не будет с ним проблем. – Холли пересказала матери историю про клиентку парикмахера, и обе покатались со смеху.

– Выглядеть, как Джоан Коллинз, я тоже не хочу, поэтому мне лучше держаться от него подальше.

– Мудрое решение.

– Как дела с поисками работы? – Мать говорила небрежным тоном, но Холли знала, что этот вопрос ее всерьез беспокоит.

– Пока ничего не нашла. Если честно, я еще и не начинала искать. Не знаю, чем бы я хотела заниматься.

– Ну и правильно, – кивнула мать. – Не торопись. Подумай хорошенько, чего хочешь, а то опять будешь ненавидеть свою работу, как в прошлый раз. – Холли удивилась, услышав это. По правде сказать, в эти дни ее все удивляли. Возможно, это с ней что-то не так, а не с остальным миром.

До последнего времени Холли работала секретарем в адвокатской конторе, у редкостного мешка с дерьмом. Ей пришлось уволиться, потому что этот урод не понимал, что у нее умирает муж и ей нужно время, чтобы быть с ним. Теперь снова придется искать. Нет, не мужа. Работу. Но пока сама мысль о том, чтобы вставать рано утром и идти на службу, казалась ей невозможной.

Холли просидела с матерью еще часа два. Они болтали о том о сем, пока Холли наконец не набралась храбрости и не спросила про конверт.

– Ой, конечно, детка, я совсем о нем забыла. Он давно тут лежит. Надеюсь, в нем нет ничего важного.

– Скоро узнаю.

Они попрощались. Холли не терпелось остаться одной.

Усевшись на лужайке, с которой открывался вид на золотистый пляж, Холли погладила конверт руками. Мать описала его не совсем точно. Это оказался вовсе не конверт, а толстый пакет из коричневой бумаги. Адрес, напечатанный на белой наклейке, никакого имени отправителя. И самое главное – слово «СПИСОК», набранное крупным жирным шрифтом прямо над адресом.

Ее опять затрясло. Если это не от Джерри, значит, ей придется наконец смириться с тем, что он окончательно ушел из ее жизни, придется думать, как существовать без него. Но если это *от него*... Тогда в этом будущем без Джерри у нее по крайней мере останется от него хоть что-то. Новое воспоминание. Воспоминание, которое она сохранит на всю жизнь.

Дрожащими пальцами она осторожно надорвала край пакета и, перевернув, вытряхнула его содержимое. На траву выпало десять маленьких конвертиков – такие обычно прикрепляют к букету цветов. На каждом значилось название месяца. Ее сердце остановилось на несколько мгновений, когда на листе бумаги, выскользнувшем из пакета, она увидела знакомый почерк.

Она узнала руку Джерри.

Глава пятая

У Холли перехватило дыхание. Со слезами на глазах, с колотящимся сердцем она читала письмо, а в голове у нее билась одна мысль: человек, который написал эти слова, больше никогда ничего не напишет. Она провела пальцами по строчкам, написанным рукой Джерри, зная, что последним, кто прикасался к ним до нее, был он.

«Моя любимая Холли!

Не знаю, где ты и когда именно ты это читаешь. Просто надеюсь, что ты здорова и с тобой все в порядке. Недавно ты прошептала мне, что не сможешь жить дальше. Ты можешь, Холли.

Ты сильная и храбрая. Ты можешь с этим справиться. Мы провели вместе множество прекрасных минут, и ты сделала мою жизнь... Да нет, ты просто была моей жизнью. Я ни о чем не жалею.

Но я – лишь глава в твоей жизни, а их будет еще много. Помни наши прекрасные минуты, но, пожалуйста, не бойся проживать новые.

Спасибо тебе за то, что ты оказала мне честь, став моей женой. Я тебе вечно благодарен за все.

Когда бы я тебе ни понадобился, помни, что я с тобой.

С вечной любовью,

твой муж и лучший друг Джерри

*P.S. Я обещал составить для тебя список, так что вот он. Вскрывай конверты в те месяцы, которые на них указаны, и обязательно **выполняй все указания**. Помни, я присматриваю за тобой. Если слушаешься, я все узнаю...»*

Холли разрыдалась. Горе снова обрушилось на нее всей тяжестью. Вместе с тем она почувствовала облегчение: Джерри еще побудет с ней какое-то время. Она перебрала маленькие белые конверты с названиями месяцев. Так, сейчас апрель. Март уже прошел, поэтому она осторожно взяла мартовский конверт. Холли открывала его медленно, растягивая сладкие мгновения. Внутри лежала маленькая карточка, на которой почерком Джерри было написано:

«Купи ночник и избавься от синяков!

P.S. Я люблю тебя...»

Холли сама не заметила, как перестала плакать и тихонько засмеялась. Ее Джерри вернулся!

Она снова и снова перечитывала письмо, вызывая в памяти его образ, пока глаза опять не заволокло слезами и строчки не начали расплываться. Она перевела взгляд на море. Вид моря всегда успокаивал ее. Ребенком она часто бегала сюда, когда у нее случались огорчения и она хотела спокойно все обдумать. Родители знали: если Холли нет в доме, значит, она на берегу.

Она закрыла глаза и задышала в такт с ласковыми волнами. Море словно тоже дышало, то глубоко вбирая в себя воду, то выталкивая ее обратно на песок. Она продолжала дышать в одном ритме с морем, и вскоре сердце забилося ровнее, она успокоилась. Ей вспомнилось, как в самые последние дни она ложилась рядом с Джерри и слушала его дыхание. Она боялась оставить его даже на минуту, чтобы открыть дверь, приготовить поесть или сходить в туалет, боялась, что он именно в этот миг покинет ее. Возвращаясь к его постели, она в ужасе замирала, прислушивалась к звуку его дыхания и смотрела, поднимается ли его грудь.

И он ее дожидался. Своей силой и решимостью жить Джерри ставил докторов в тупик, не собираясь сдаваться без боя. И до самого конца сохранил чувство юмора. Он совсем ослаб, голос его звучал чуть слышно, но Холли научилась понимать его новый язык, как мать понимает лепет ребенка, который только учится говорить. Иногда они смеялись вместе до глубокой ночи, иногда обнимали друг друга и плакали. До самого конца Холли оставалась сильной, потому что понимала: она должна быть рядом, когда ему понадобится помощь. Только теперь до нее дошло: она нуждалась в нем больше, чем он в ней. Сознание того, что она ему нужна, позволяло ей не просто празднично стоять рядом с ним, чувствуя себя отчаянно беспомощной.

Второго февраля в четыре часа утра, когда Джерри сделал последний вдох и закрыл глаза, Холли крепко держала его за руку и ободряюще улыбалась ему. Она не хотела, чтобы он боялся, не хотела, чтобы он видел ее страх, – по правде сказать, в тот момент она не испытывала никакого страха. Она почувствовала одно только облегчение: потому что он перестал страдать, потому что она сидела рядом, когда он тихо угас. Она радовалась тому, что знала и любила его и он ее любил, радовалась, что последним, что он видел, стали ее лицо и улыбка, без слов говорившая ему, что его мучениям приходит конец.

Последующие дни слились для нее в одно смутное пятно. Она занималась приготовлениями к похоронам, встречалась и разговаривала с родственниками и старыми школьными друзьями, которых не видела много лет. Все это время она оставалась спокойной и сильной, способной здраво рассуждать. И благодарила судьбу, что месяцы его страдания кончились. Ни следа злости или обиды за жизнь, которую у нее отняли. Чувство потери пришло позже, когда она отправилась за свидетельством о смерти мужа.

Но когда оно пришло, то накрыло ее с головой.

Она ждала своей очереди в битком набитом холле местной больницы, и тогда ее вдруг пронзила мысль: почему очередь Джерри наступила так рано. С двух сторон от нее сидели, тесно прижавшись друг к другу, две пары – совсем юная и пожилая. Ей подумалось, что она сейчас сидит между своим и Джерри прошлым и будущим – будущим, которого у них уже не будет. Вся несправедливость случившегося вдруг обрушилась на нее. Плечи прошлого и несбывшегося будущего сдавили ее так, что она начала задыхаться. Она не должна быть здесь!

Никто из ее друзей не сидел здесь.

Никто из родственников.

Если уж на то пошло, большая часть населения Земли понятия не имела, что это такое – сидеть вот здесь.

Это показалось ей чудовищно несправедливым.

Это и было несправедливо.

Устав без конца предъявлять служащим банков и страховых компаний официальное доказательство смерти своего мужа – как будто одного ее вида им не хватило бы, – Холли вернулась домой, забилась в свою нору и отгородилась от мира, в котором осталось слишком много воспоминаний о ее прежней жизни. В той жизни она была безмерно счастлива. Но почему тогда ей дали другую жизнь, намного хуже той, прежней?

Это случилось два месяца назад, и до сегодняшнего дня она не покидала дома. Но какой радушный прием, оказывается, ее ждал, думала она, с улыбкой глядя на конверты. Джерри вернулся.

Холли с трудом сдерживала волнение, дрожащими пальцами набирая номер Шэрон. Несколько раз попав не туда, она все-таки сосредоточилась и набрала нужные цифры.

– Шэрон! – закричала она, как только на том конце взяли трубку. – Ты ни за что не догадаешься! Господи, я не могу в это поверить!

– Э-э, нет... Это Джон, но сейчас я ее позову. – Обеспокоенный Джон поспешил за Шэрон.

– Что, что, что? – проговорила запыхавшаяся Шэрон. – Что случилось? Ты в порядке?

– Да, у меня все хорошо! – Холли истерически взвизгнула, не зная, смеяться ей или плакать, и вдруг поняла, что не помнит, как соединять слова в предложения.

Джон смотрел, как Шэрон с растерянным видом присела за кухонный стол. Она напряженно вслушивалась в то, что на другом конце провода сбивчиво объясняла ей Холли. Вроде бы, с трудом разобрала Шэрон, миссис Кеннеди дала Холли коричневый пакет, в котором находился ночник. Все это очень ей не понравилось.

– *Хватит!* – крикнула Шэрон, изумив Холли и Джона. – Я ни слова не понимаю! Поэтому, пожалуйста, – очень медленно произнесла она, – остановись, сделай глубокий вдох и начни с самого начала, желательно по-английски.

Неожиданно она услышала тихие всхлипывания.

– О, Шэрон, – заговорила Холли слабым голосом, – он составил для меня список. Джерри составил для меня список.

Шэрон застыла, переваривая новость.

Джон увидел, как расширились глаза его жены, быстро придвинул стул, сел рядом с ней и приблизил голову к телефонной трубке, чтобы слышать разговор.

– Хорошо, Холли. Я хочу, чтобы ты как можно скорее приехала сюда, но в целости и сохранности. – Она снова сделала паузу и хлопнула Джона по голове, словно назойливую муху, мешающую ей сосредоточиться на только что услышанном. – Это ведь... хорошие новости?

Джон с обиженным видом встал из-за стола и, не понимая, что происходит, начал ходить взад-вперед по кухне.

– Конечно, Шэрон, – всхлипывала Холли. – Прекрасные!

– Хорошо, приезжай к нам, и мы все обсудим.

– Хорошо.

Шэрон повесила трубку и продолжала молча сидеть в задумчивости.

– Что там еще? Что случилось? – Джон требовал объяснений, не желая оставаться в неведении.

– Ой, прости, любимый. Холли едет к нам. Она... м-м-м... Она сказала, что... Э-э-э...

– Что? Господи, да говори же!

– Она сказала, что Джерри составил для нее список.

Джон внимательно посмотрел на нее, не решаясь поверить, что это не шутка. Когда Шэрон подняла на него обеспокоенный взгляд, он понял, что ей не до шуток. Он сел рядом с ней за стол, и оба в молчании уставились на стену, погружившись каждый в свои мысли.

Глава шестая

– Вау, – только и смогли вымолвить Шэрон и Джон, когда вместе с Холли они все втроем устроились за кухонным столом и принялись разглядывать содержимое пакета. На протяжении последних минут разговор между ними сводился к минимуму – каждый пытался разобраться в собственных чувствах. Изредка они обменивались отрывистыми репликами:

– Но как ему удалось...

– И как мы не заметили, что он... Ну... Господи...

– Как ты думаешь, когда он?.. Ну да, наверное... Он же иногда оставался один...

Холли и Шэрон просто сидели, глядя друг на друга, а Джон, запинаясь и заикаясь, пытался рассуждать вслух. Когда и как его смертельно больной друг сумел в одиночку осуществить свою идею так, что никто ни о чем не догадался.

– Вау, – в конце концов повторил он, придя к заключению, что Джерри вполне мог все это проделать сам.

– Разумеется, – согласилась Холли. – Значит, вы оба понятия об этом не имели?

– Ну, не знаю, как для тебя, Холли, но для меня очевидно, что тайным вдохновителем всей затеи был Джон, – с сарказмом заметила Шэрон.

– Ха-ха, – сухо ответил Джон. – В любом случае он сдержал свое слово, не так ли? – Джон с улыбкой посмотрел на обеих женщин.

– Это точно, – тихо сказала Холли.

– Холли, ты как? – снова спросила явно обеспокоенная Шэрон. – Что ты обо всем этом думаешь? Все-таки это выглядит... как-то странно...

– Да я нормально. – Холли задумалась. – Если честно, я думаю, что это лучшее, что могло сейчас произойти! И, собственно, почему мы так удивляемся? Мы же без конца говорили о списке. Наверное, мне следовало ожидать чего-то в этом роде.

– Говорить говорили, но кто же мог подумать, что он это сделает! – не согласился Джон.

– Но почему нет? – спросила Холли. – В этом была вся идея! Помочь тому, кого любишь, когда тебя не станет.

– Мне кажется, Джерри единственный из всех нас отнесся к этому серьезно.

– Шэрон, Джерри – единственный из нас, кто умер! Откуда нам знать, как мы бы к этому отнеслись, окажись мы на его месте?

Все замолчали.

– Слушайте, давайте все это получше изучим, – оживился Джон, неожиданно для себя начавший получать от происходящего удовольствие. – Сколько всего конвертов?

– М-м-м... десять, – посчитала Шэрон, сменив тон на деловой.

– На какие месяцы? – продолжил Джон.

Холли разложила конверты по порядку.

– Март, про лампу, этот я уже открыла. Дальше апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь.

– То есть по одному посланию на каждый месяц до конца года, – медленно сказала Шэрон.

Они все подумали об одном и том же: Джерри планировал свою затею, зная, что не доживет до марта. После короткого молчания Холли вдруг посмотрела на своих друзей с выражением счастья на лице. Что бы ни приготовил для нее Джерри, в любом случае благодаря ему она уже чувствовала себя почти нормально. Они с Джоном и Шэрон строили шутливые догадки о содержимом других конвертов, и все это время ей казалось, что Джерри все еще с ними.

– Погодите! – строго прикрикнул на них Джон.

– Что?

Джон подмигнул Холли своими голубыми глазами:

- Сейчас апрель, а ты еще не открыла конверт.
- Ой, я и забыла! Может, вскрыть прямо сейчас?
- Давай, – подбодрила ее Шэрон.

Холли взяла конверт и начала медленно открывать его. После этого их останется всего восемь, и ей хотелось насладиться каждой секундой ожидания неизвестного, пока оно не превратится в еще одно воспоминание.

Она достала из конверта карточку.

«Диско-дива всегда должна выглядеть лучше всех. Пойди и купи себе новый наряд. Он тебе понадобится в следующем месяце!

P.S. Я люблю тебя...»

- О-о-о-о, – в волнении пропели Джон и Шэрон, – он начинает говорить загадками!

Глава седьмая

Холли лежала на кровати, с улыбкой на лице механически включая и выключая ночник. Они с Шэрон поехали за ним в магазин «Кровати, ручки и швабры» в Малахайде и в конце концов выбрали эту лампу на красивой резной деревянной ножке под кремовым абажуром, которая прекрасно подходила к деревянной мебели и кремовым тонам спальни Холли (естественно, дабы не нарушать традицию, они отдали предпочтение безумно дорогой модели). И хотя Джерри не стоял рядом с ней в магазине, ее не покидало чувство, что они сделали эту покупку вместе.

Чтобы опробовать свое приобретение, она задернула в спальне шторы. Свет лампы делал атмосферу спальни мягче и теплее. Как легко эта лампа прекратила бы их ежевечерние споры! Впрочем, неизвестно, хотели ли они их прекращать.

Эти привычные шуточные ссоры заставляли их еще острее ощущать близость друг к другу. Она отдала бы все что угодно, чтобы сейчас поучаствовать в такой вот ссоре. И с радостью вылезла бы ради него из мягкой и теплой постели, прошла бы по холодному полу и ударилась ногой о ножку кровати, на ощупь возвращаясь в темноте к постели. Но это время ушло навсегда.

Ее вернула к реальности мелодия песни Глории Гейнор «I Will Survive». Звонил мобильный.

– Аллю!

– Привет, это я! – завизжал знакомый голос. – Я до-о-о-о-ома!

– О боже, Киара! Я и не знала, что ты приезжаешь!

– Ну, вообще-то я тоже не знала, но у меня кончились деньги, и я решила сделать вам всем сюрприз!

– Вау! Представляю, как удивились мама с папой.

– Ну, папа так испугался, что уронил полотенце, которым прикрывался. Он как раз выходил из душа.

Холли прикрыла лицо рукой:

– Киара, как ты могла!

– Обниматься к нему я сразу не полезла! – засмеялась Киара.

– Гадость какая! Смени тему, а то я начинаю представлять себе эту сцену, – сказала Холли.

– Короче, я звоню сказать, что я дома и что мама собирает сегодня всех на праздничный ужин.

– А что празднуем?

– То, что я жива.

– А, хорошо. Я уж думала, ты собираешься о чем-то объявить.

– О том, что я жива.

– Хорошо. И кто будет?

– Вся семья.

– Ой, я совсем забыла! Я же сегодня иду к зубному! Он вырвет мне все зубы, так что я прийти не смогу.

– Как я тебя понимаю! Я сказала маме то же самое. Но мы и правда так давно все вместе не собирались. Когда ты в последний раз видела Ричарда и Мередит?

– Ну как же, милый добрый Дик! На похоронах он просто блистал. Сказал мне массу мудрых и утешительных вещей. Типа: «А ты не думала пожертвовать его мозг для медицинских исследований?» Прелесть что за брат у нас с тобой.

– О черт, Холли, извини. Я забыла про похороны. – Голос ее сестры изменился. – Прости, что не смогла приехать.

– Киара, не говори глупостей, мы обе решили, что тебе лучше остаться в Австралии, – быстро сказала Холли. – Слишком дорого летать туда-сюда, так что не будем об этом, хорошо?

– Ладно.

Холли предпочла сменить тему:

– Ты сказала, вся семья. Кого ты имела в виду?

– Ну как кого? Ричард и Мередит явятся с нашими чудесными племянником и племянницей. Радуйся, будут Джек и Эбби. Деклан будет с нами телом, но, возможно, не душой, мама, папа, я, само собой, и ты тоже *будешь* с нами.

Холли застонала. Как бы она ни жаловалась на своих родных, с братом Джеком у нее сложились прекрасные отношения. Старше ее всего на два года, он с самого детства был к ней ближе всех остальных, к тому же всегда ее защищал. Мать звала их «парочкой эльфов», потому что они беспрестанно замыслили какие-нибудь шалости, жертвой которых чаще всего становился их старший брат Ричард. Джек походил на Холли и внешне, и характером, и она считала его самым нормальным из всех своих братьев. Их отношения особенно окрепли после того, как Холли подружилась с Эбби – девушкой Джека, с которой брат жил уже семь лет. Когда был жив Джерри, они вчетвером часто ходили в ресторан или в бар. Когда был жив Джерри... Боже, как страшно это звучало.

Зато Киара была совершенно не похожа на Холли. Джек и Холли были уверены, что она прилетела с планеты Киара с населением один человек. Длинноногая и темноволосая, Киара была копией отца. Она объездила чуть ли не весь мир, и в этих поездках разукрасила свое тело множеством татуировок – не считая пирсинга. По татуировке на страну, шутил отец. По татуировке на мужчину, подозревали Холли с Джеком.

Естественно, их старший брат Ричард (он же Дик, как называли его Джек и Холли) смотрел на это легкомыслие крайне неодобрительно. Ричард страдал серьезным заболеванием – он родился на свет стариком. Вся его жизнь вращалась вокруг выполнения правил, предписаний и инструкций. Помнится, в детстве у него был дружок, и как-то раз, им было тогда лет по десять, они подрались. После этого, насколько помнила Холли, он никогда никого не приводил домой. И девушки у него отродясь не было, и вообще он никуда не ходил и ни с кем из сверстников не общался. Холли и Джек считали чудом, что он встретил свою столь же унылую жену Мередит. Не иначе, на семинаре «Что такое счастье и как с ним бороться».

Холли не думала, что у нее самая плохая семья на свете, просто они представляли собой довольно причудливое смешение характеров. Слишком разные, они без конца ссорились или, как предпочитали выражаться родители, затевали серьезные дискуссии, к тому же в самое неподходящее время. Они могли и поладить, но для этого требовалось, чтобы каждый из всех сил постарался вести себя как можно лучше.

Холли с Джеком часто вместе ходили обедать или встречались вечером в баре, просто чтобы узнать друг у друга, как дела. Они действительно интересовались друг другом. Холли нравилось общество брата, с которым ее связывала настоящая дружба. В последнее время они почти не виделись. Прекрасно понимая Холли, Джек знал, когда ей лучше побыть одной.

О том, что новенького у ее младшего брата Деклана, Холли узнавала, только если звонила родителям, а к телефону подходил сам Деклан, не склонный к излишней разговорчивости. Этот «мальчик» двадцати двух лет от роду до сих пор чувствовал себя неуютно в компании взрослых, и поэтому Холли редко удавалось выжать из него хоть что-нибудь. Неплохой, в сущности, парень, вот только немного витающий в облаках.

Холли соскучилась по Киаре – двадцатичетырехлетняя младшая сестра отсутствовала целый год. Слишком разные, даже девчонками они никогда не менялись нарядами и не хихикали по поводу знакомых мальчиков. Но все же они оставались сестрами в семье, где росло

еще три брата, и это их объединяло. Ближе всех Киара была к Деклану – оба мечтатели. Джек и Холли, неразлучные в детстве, продолжали дружить и когда выросли. Оставался Ричард. Он всегда держался в семье наособицу, но Холли подозревала, что ему это даже нравилось, потому что он никогда не мог до конца понять своих близких. Холли с тоской ждала его нудных нотаций и бестактных вопросов, заранее мучась неловкостью от комментариев, которые он будет отпускать за ужином. А, ничего. Это же семейный ужин в честь Киары, и там будет Джек. Уж на него-то Холли всегда могла рассчитывать. Но сказать, что Холли с нетерпением предвкушала сегодняшний вечер? О нет.

Холли без всякого воодушевления постучала в дверь родительского дома и сразу же услышала топот маленьких ножек, сопровождаемый таким громким воплем, что с трудом верилось, что его издает ребенок.

– Мама! Папа! Это тетя Холли, это тетя Холли!

Это был ее племянник Тимоти. Племянник Тимоти.

Его восторги резко оборвал строгий голос. (Вообще говоря, странно, что племянник так обрадовался ее приходу, – она сейчас должна казаться ему настоящей занудой.)

– Тимоти! Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не смел носиться по дому?! Ты упадешь и поранишься! Ступай в угол и подумай хорошенько о своем поведении. Тебе ясно?

– Да, мам.

– Перестань, Мередит! Как он может пораниться на ковре или мягком диване?

Холли усмехнулась про себя – Киара и правда вернулась. Она еще не оставила мысль о побеге, когда дверь распахнулась и на пороге появилась Мередит с выражением лица еще более кислым и недружелюбным, чем обычно.

– А, Холли, – кивнула она в знак того, что заметила ее присутствие.

– А, Мередит, – передразнила Холли.

Оказавшись в гостиной, Холли поискала глазами Джека и с разочарованием убедилась, что его нигде не видно. Ричард стоял перед камином, одетый в удивительно яркий для него свитер: видимо, решил в этот вечер расслабиться. Сунув руки в карманы, он перекатывался взад-вперед с каблуков на носки ботинок, как будто готовился прочитать лекцию. Лекция адресовалась их бедному отцу Фрэнку, который с видом провинившегося школьника скрючился в своем любимом кресле. Ричард, целиком погруженный в свою речь, даже не заметил, как Холли вошла в комнату. Она послала отцу воздушный поцелуй, не желая втягиваться в разговор. Отец поймал ее поцелуй и улыбнулся ей в ответ.

Деклан в рваных джинсах и майке с персонажами из «Южного парка» развалился на диване, яростно затягиваясь сигаретой и внимательно слушая Мередит, которая сурово предупреждала его о вреде курения

– Да ну? А я и не знал, – взволнованно сказал он и затушил сигарету. На лице Мередит нарисовалось полное удовлетворение, длившееся до тех пор, пока Деклан, подмигнув Холли, не взял пачку и не прикурил еще одну сигарету. – Расскажи мне еще что-нибудь, пожалуйста, я умираю от любопытства. – Мередит глянула на него с отвращением.

Киара спряталась за диваном и оттуда бросалась попкорном в бедного Тимоти, который стоял лицом к стене в углу и боялся обернуться. Эбби, пригвожденная к полу, безропотно терпела мучения, которым ее подвергала пятилетняя Эмили, вооруженная какой-то кошмарного вида куклой. Встретившись взглядом с Холли, она послала ей безмолвный сигнал: «На помощь!»

– Привет, Киара. – Холли подошла к сестре, которая вскочила на ноги и крепко, с неожиданной теплотой ее обняла. – Шикарный цвет.

– Тебе нравится?

– Очень. Розовый – твой цвет.

– А что я вам говорила? – довольно проговорила Киара, скосив глаза на Ричарда и Меридит. – Ну, как поживает моя старшая сестричка? – тихо спросила она, нежно погладив Холли по руке.

– Ну, как тебе сказать? – Холли слабо улыбнулась. – Держусь.

– Если ты ищешь Джека, Холли, то он на кухне, помогает вашей маме с ужином, – сказала Эбби, широко раскрыла глаза и снова прошептала: «Помогите».

Холли подняла брови:

– Помогает маме? Как мило с его стороны!

– Ну что ты, Холли, разве ты не знаешь, что Джек очень любит готовить? Просто *обо-жает*. Как начнет, так не может остановиться, – добавила она саркастически.

Отец Холли усмехнулся себе под нос, чем сбил Ричарда с накатанных рельсов.

– Что тебя так рассмешило, отец?

Фрэнк нервно заерзал:

– Удивительно все же... Неужели все это происходит в одной маленькой пробирке?

Ричард неодобрительно вздохнул:

– Ну конечно. Ты пойми, они настолько малы, что это и есть самое удивительное. Организмы соединяются с... – И он снова пустился в рассуждения, а отец поудобнее устроился в кресле, стараясь не встречаться взглядом с Холли.

Холли тихо прошла на кухню, где обнаружила своего брата, который сидел, задрав ноги на стул, и что-то жевал.

– Ах, вот он где! Шеф-повар собственной персоной.

– Моя любимая сестра! – Джек улыбнулся и встал со стула. Он сморщил нос. – Вижу, тебя тоже заманили сюда обманом. – Он подошел к ней, протянул руки и сжал ее в крепком медвежьем объятии. – Как ты? – прошептал он ей на ухо.

– Нормально, спасибо. – Холли грустно улыбнулась, поцеловала его в щеку и повернулась к матери: – Дорогая мама, я здесь, чтобы предложить тебе помощь в этот сложный период твоей жизни, – сказала она, целуя мать в покрасневшую щеку.

– О, разве я не самая счастливая женщина на свете! С такими заботливыми детьми! – с сарказмом ответила Элизабет. – Ну ладно, так и быть: можешь слить воду из картошки.

– Мам, расскажи, как ты была маленькая, и вся картошка сгнила, и настал страшный голод, – сказал Джек с нарочитым ирландским акцентом.

Элизабет шутливо хлопнула его кухонным полотенцем по голове.

– Это случилось задолго до моего рождения, сынок.

– Да? А мне казалось, ты это пережила, – сказал Джек.

– И все еще переживаешь, – добавила Холли, присоединяясь к брату за столом.

– Надеюсь, вы оба не собираетесь сегодня хулиганить. Я хотела бы, чтобы для разнообразия этот дом стал зоной, свободной от споров.

– Мам, я в шоке, что ты могла так о нас подумать. – Джек подмигнул Холли.

– То-то же, – сказала она, не веря ни единому его слову. – Ладно, дети, извините, но делать здесь вам больше нечего. Ужин будет готов через несколько минут.

– Да-а? – Холли не скрывала разочарования.

Элизабет тоже присела к детям за стол, все втроем они посмотрели на кухонную дверь, думая об одном и том же.

– Нет, Эбби! – раздался визгливый голос Эмили. – Ты неправильно делаешь! – Она громко заревела. Тут же послышался оглушительный хохот Ричарда: очевидно, пошутил он сам, потому что, кроме него, никто не засмеялся.

– Пожалуй, нам лучше остаться здесь и присмотреть за ужином, – добавила Элизабет.

– Ну все, ужин готов, – объявила Элизабет, и все двинулись в столовую. После небольшой толкотни, как на детском празднике, когда каждый выбирает себе местечко рядом с лучшим другом, Холли уселась в конце стола. Справа от нее устроилась мать, слева – Джек. Эбби с хмурым видом заняла стул между Джеком и Ричардом. Дома Джеку придется расплачиваться за то, что ей в соседи достался их старший братец. Деклан сел напротив Холли, рядом с пустым стулом, оставленным для Тимоти, за ним расположились Эмили, Мередит и Киара. Отцу пришлось довольствоваться местом во главе стола, между Ричардом и Киарой, – впрочем, только он, с его спокойствием, был способен на нем усидеть.

Элизабет внесла первое блюдо, по комнате поплыли вкусные ароматы, и все дружно заохали и заахали.

Холли всегда любила мамину стряпню, та никогда не боялась экспериментировать с новыми рецептами и приправами. К сожалению, эту ее черту Холли не унаследовала.

– Слушайте, – воскликнула Киара, обращаясь к Ричарду. – Бедняжка Тимми там, наверное, с голоду умирает! Мне кажется, он уже настоялся в углу.

Она знала, что ступает по тонкому льду, но любила риск, а главное, обожала позлить Ричарда. В конце концов, она отсутствовала целый год – приходилось наверстывать упущенное.

– Киара, Тимоти должен сознавать, что нельзя вести себя как вздумается, – объяснил Ричард.

– Да, но разве нельзя ему просто об этом сказать?

Остальные еле сдерживались, чтобы не рассмеяться.

– Он должен понимать, что его действия приведут к серьезным последствиям, и не повторять их.

– Жалко, – сказала она, повышая голос, – у нас тут такая вкуснятина! М-м-м-м-м, – добавила она, облизывая губы.

– Перестань, Киара, – прервала ее Элизабет.

– Иначе тебя в угол поставят, – строго добавил Джек.

Стол взорвался от смеха, за исключением Мередит и Ричарда, конечно.

– Ладно, Киара, расскажи-ка нам о своих приключениях в Австралии, – быстро сменил тему Фрэнк.

Глаза Киары загорелись.

– О, папа, там так здорово, я всем рекомендую туда поехать!

– Перелет слишком долгий, – сказал Ричард.

– Конечно, но оно того стоит.

– Сделала новые татуировки? – спросила Холли.

– Смотри! – С этими словами Киара встала и спустила брюки, обнажив бабочку на попе.

Родители, Ричард и Мередит возмущенно запротестовали, зато все остальные зашлись в истерическом хохоте и долго не могли остановиться. Наконец, когда Киара извинилась, а Мередит убрала руку от глаз Эмили, волнение улеглось.

– Это отвратительно, – сказал Ричард с омерзением.

– По-моему, папа, бабочки очень симпатичные, – сказала Эмили, широко распахнув невинные глаза.

– Да, некоторые бабочки симпатичные, Эмили, но я говорю о татуировках. От них бывают разные болезни и проблемы. – Эмили перестала улыбаться.

– Слушай, я же не делаю татуировки в подворотнях! И не обмениваюсь иглами с наркоманами. В салоне была стерильная чистота.

– Ну, это один из ярчайших оксюморонов, какие мне приходилось слышать, – брезгливо сказала Мередит.

– Ты давно была в таком салоне, Мередит? – спросила Киара, пожалуй, чересчур зло.

– Э-э-э... нет, конечно, – запнулась она. – Я ни разу не посещала подобные места, еще не хватало, но я уверена, что там сплошная грязь. – Затем она обернулась к Эмили. – Это грязные, ужасные места, Эмили, и туда ходят только опасные люди.

– Разве тетя Киара опасная, мама?

– Только для пятилетних рыжих девочек, – сказала Киара, набивая рот едой.

Эмили замерла от страха.

– Ричард, дорогой, может быть, Тимми уже может выйти из угла и поесть? – вежливо спросила Элизабет.

– Его зовут Тимоти, – перебила Мередит.

– Да, мама, я думаю, он уже может выйти.

Несчастный Тимоти медленно вошел в комнату с опущенной головой и молча сел рядом с Декланом. Сердце Холли сжалось от жалости. Как жестоко так обращаться с детьми, как жестоко отнимать у них детство... Ее сочувствие притухло, когда она почувствовала, как под столом маленькая ножка племянника бьет ее по голени. Лучше бы остался стоять в углу.

– Киара, дорогая, расскажи что-нибудь интересное. Уж ты там, я думаю, почудила... – Холли хотелось узнать побольше.

– А как же! Один раз прыгнула с тросом. Точнее говоря, даже несколько раз. У меня есть фотография. – Она полезла в задний карман брюк, и все отвернулись, опасаясь, что она жаждет продемонстрировать еще одну часть своего тела. К счастью, она просто достала бумажник и пустила фотографию по кругу.

– Первый раз я прыгнула с моста и, когда упала, ударилась головой о воду...

– Киара, но это же опасно! – воскликнула мать, закрывая лицо руками.

– Да нет, совсем не опасно! – заверила ее Киара.

Фотография дошла до Холли с Джеком, и они расхохотались. Киара висела вниз головой на тросе с искаженным лицом, крича от ужаса. Волосы (на тот момент голубые) торчали во все стороны, как будто ее казнили на электрическом стуле.

– Удачная фотография, Киара. Mam, поставь ее в рамке над камином, – пошутила Холли.

– А что? – Глаза Киары загорелись. – Классная идея!

– Конечно, милая! Уберу твою фотографию с первого причастия и заменю на эту, – саркастически сказала Элизабет.

– Еще вопрос, какая из них страшнее, – сказал Деклан.

– Холли, что ты будешь делать в свой день рождения? – спросила Эбби. Ей явно не терпелось прервать беседу с Ричардом.

– Ой, точно! – закричала Киара. – Тебе же через пару недель тридцатник стукнет!

– Я не собираюсь устраивать никаких фейерверков, – предупредила всех Холли. – Никаких вечеринок-сюрпризов или чего-то в этом роде, *пожалуйста*.

– Да, но ты должна... – сказала Киара.

– Нет, не должна, если не хочет, – перебил ее отец и подмигнул Холли в знак поддержки.

– Спасибо, пап. Я просто позову девчонок, ходим в какой-нибудь клуб. Никаких безумств.

Когда фотография дошла до Ричарда, тот осуждающе поцокал и передал снимок отцу, который тихонько усмехнулся над видом Киары.

– Я полностью согласен с тобой, Холли, – сказал Ричард, – от этих вечеринок по случаю дня рождения одни неприятности. Взрослые ведут себя как дети и слишком много пьют. Ты совершенно права.

– Вообще-то я как раз люблю такие вечеринки, Ричард, – парировала Холли, – просто в этом году у меня не очень праздничное настроение, вот и все.

На мгновение все замолчали, а потом Киара воскликнула:

– Девичник так девичник.

– А можно, я приду с камерой? – спросил Деклан.

– Зачем?

– Просто поснимать для колледжа клубную жизнь, и все такое.

– Ну, если тебе нужно... Только учти, я не собираюсь идти в какой-нибудь модный клуб, которые ты так любишь.

– Да нет, мне все равно, куда вы пой-ДЕ-ТЕ! – закричал он и с угрозой посмотрел на Тимоти.

Тимми показал ему язык, и беседа продолжилась. После главного блюда Киара исчезла из комнаты, вернулась с большим пакетом в руке и объявила: «Подарки!»

Тимми и Эмили захлопали в ладоши. Холли надеялась, что Киара не забыла купить что-нибудь для них.

Отец получил ярко раскрашенный бумеранг и тут же сделал вид, что хочет бросить его своей жене, Ричард – майку с картой Австралии, по которой он немедленно начал давать Тимми и Эмили пояснения, Мередит осталась вообще без подарка, Джеку и Деклану досталось по майке с неприличными картинками и надписью «Я был в буше», маме – коллекция древних рецептов аборигенов. Холли растрогалась, когда Киара вручила ей ловушку для снов, сделанную из ярких перьев и палочек.

– Пусть твои мечты сбудутся! – прошептала Киара ей на ухо и поцеловала сестру в щеку.

К счастью, для Тимми и Эмили Киара припасла конфеты, правда, они подозрительно напоминали те, что продавались в местном магазине. Ричард и Мередит сразу же отобрали у детей конфеты под тем предлогом, что от них портятся зубы.

– Тогда верните их мне, чтобы я могла испортить свои, – потребовала Киара.

Тимми и Эмили понуро глядели на подарки других членов семьи и тут же получили нагоняй от Ричарда за то, что отвлеклись от карты Австралии. Тимми скорчил рожу Холли, и у нее на душе потеплело. Ее не так угнетало, что с детьми обращаются слишком строго, когда они и в самом деле вели себя не совсем хорошо. Честно говоря, она уже начинала получать некоторое удовольствие от того, что их одергивают.

– Нам пора ехать, Ричард, а то дети уснут за столом, – объявила Мередит. Дети при этом проявляли чудеса бодрости, постоянно пиная Холли и Деклана под столом.

– Пока вы все не разъехались, – провозгласил отец, перекрывая шум болтовни, – я хочу поднять тост за нашу замечательную дочь Киару, потому что мы собрались, чтобы отпраздновать ее возвращение домой. – Он улыбнулся Киаре, и все взгляды обернулись к ней. – Мы скучали по тебе, милая, и мы рады, что ты вернулась домой целая и невредимая, – закончил свою речь Фрэнк. Он поднял свой бокал: – За Киару!

– За Киару! – повторили все и выпили до дна.

Когда дверь за Ричардом, Мередит и детьми закрылась, остальные тоже начали потихоньку расходиться. Холли вдохнула холодный воздух и направилась к своей машине. Родители стояли на пороге и махали ей вслед, но все равно она чувствовала себя страшно одинокой. Обычно она уходила с вечеринок вместе с Джерри, но даже если и без него, то всегда знала, что возвращается домой, где он ее ждет. Но не сегодня. И не завтра, и не послезавтра.

Глава восьмая

Холли стояла перед зеркалом и внимательно рассматривала себя. Она выполнила наказ Джерри и купила новый наряд. Для чего, она не знала, но несколько раз в день ей приходилось бороться с соблазном раньше времени вскрыть майский конверт. До того момента, когда она сможет это сделать, оставалось всего два дня, и нетерпеливое предвкушение вытеснило у нее из головы все остальные мысли.

Она решила одеться в черное, чтобы соответствовать своему настроению. Узкие, слегка расклешенные черные брюки делали ее ноги еще стройнее и идеально подходили к черным ботинкам. Черный корсет зрительно увеличивал грудь и прекрасно сочетался с брюками. Лео сделал ей красивую укладку: сверху поднял волосы повыше, оставив пряди спадать на плечи свободными волнами. Холли пробежала пальцами по волосам и улыбнулась, вспомнив свой последний визит к парикмахеру. В салон она влетела запыхавшись, с раскрасневшимся лицом:

– Прости, Лео, заболталась по телефону и забыла о времени.

– Не беспокойся, дорогая! Каждый раз, когда ты записываешься, я прошу своих сотрудников переписывать тебя на полчаса позже. Колин! – закричал он, щелкнув пальцами. Колин все бросил и куда-то умчался.

– Боже, ты что, лошадиные гормоны принимаешь? Посмотри, как обросла! Я же стриг тебя всего несколько недель назад.

Он решительно приподнял кресло вместе с Холли:

– Что-нибудь особенное сегодня вечером?

– Большой тридцатник, – сказала она, прикусив губу.

– Это что, номер автобуса?

– Если бы! Нет, это тридцать!

– Да я знаю, знаю. Колин! – закричал Лео, снова щелкая пальцами.

И тут из комнаты для персонала появился Колин с тортом в руках, за ним следовал строй парикмахеров, которые вместе с Лео хором запели «С днем рождения». Холли была потрясена. «Лео!» – только и могла вымолвить она. Она напрасно пыталась сдержать слезы, которые сами покатались из глаз. К этому моменту весь салон пел хором, окончательно ошеломляя Холли таким проявлением любви. Когда музыкальное поздравление кончилось, все зааплодировали, и нормальная работа салона восстановилась.

Холли не могла выговорить ни слова.

– Господи боже, Холли, в прошлый раз ты хохотала так, что чуть с кресла не упала, а сегодня рыдаешь!

– Это было что-то! Спасибо тебе, Лео, – сказала она, утирая слезы, крепко обняла его и поцеловала в щеку.

– Ну, считай, что мы с тобой в расчете за прошлый раз, – сказал он, отстраняясь. От такого бурного проявления чувств ему стало неловко.

Холли засмеялась, вспомнив вечеринку-сюрприз по случаю пятидесятилетия Лео. Темой вечера были «перья и кружева». Холли нарядилась в изумительное обтягивающее кружевное платье, а Джерри, который никогда не боялся подшутить над собой, надел боа из розовых перьев, в цвет рубашки и галстука. Лео заявил, что организаторы сюрприза ввергли его в жуткое смущение, но все знали, что в душе он ликовал от такого внимания к своей особе. Правда, на следующий день Лео обзвонил их всех и наговорил на автоответчики шуточные упреки. На всякий случай Холли поостереглась в ближайшие недели записываться к нему на стрижку – кто его знает, еще обкорнает в отместку. Поговаривали даже, что всю следующую неделю число посетителей в салоне резко понизилось...

– Ну, по крайней мере, стриптизер тебе в тот вечер понравился, – поддразнила Холли.

– Понравился? Я убил на него месяц. На такого козла!

Каждый клиент получил по куску торта, и все обернулись к Холли, наперебой выражая ей благодарность.

– Не понимаю, почему они благодарят тебя, – пробормотал Лео себе под нос, – это же я купил этот чертов торт!

– Не волнуйся, Лео, я включу его стоимость в чаевые.

– Шутишь? Твои чаевые не покрывают даже мой автобусный билет!

– Лео, ты живешь в соседнем доме.

– Вот именно!

Холли надула губы и притворилась, что обиделась.

– Тридцать лет, а ведешь себя, как ребенок, – засмеялся Лео. – Куда пойдешь сегодня?

– В какое-нибудь тихое место. Хочу провести спокойный вечер с девчонками.

– Именно это я сказал, когда мне исполнилось пятьдесят. Кто приглашен?

– Шэрон, Киара, Эбби и Дениз, сто лет ее не видела.

– Киара вернулась?

– Да, с розовыми волосами.

– Боже милосердный! Пусть держится от меня подальше, а то я за себя не отвечаю. А вот вы, мисс, выглядите потрясающе! Ты будешь королевой бала. И оторвись сегодня вечером по полной!

Холли вернулась к реальности и снова стала рассматривать свое отражение. Она совершенно не чувствовала себя на тридцать. С другой стороны, что это значит – чувствовать себя на тридцать? В юности тридцать лет казались чем-то настолько далеким... Тогда она думала, что в этом возрасте женщина должна все знать о жизни, быть мудрой и солидной, иметь мужа, детей и карьеру.

Ничего из перечисленного у нее не было. Она оставалась такой же недотепой в житейских делах, как и в двадцать, только теперь появились морщинки вокруг глаз и редкая седина в волосах. Она присела на край кровати и снова вгляделась в свое отражение. Что она собирается праздновать? Что ей стукнуло тридцать? В дверь позвонили, и Холли услышала доносившуюся снаружи возбужденную болтовню и хихиканье. Она постаралась взять себя в руки и растянула рот в улыбке.

– С днем рождения! – хором закричали гости.

При виде их счастливых лиц ее настроение сразу улучшилось.

Она провела их в гостиную и помахала рукой Деклану, который уже включил камеру.

– Брось, Холли, не обращай на него внимания, – зашептала Дениз, потащила ее за руку на диван, на котором все уже успели рассесться и теперь дружно протягивали ей подарки.

– Открой мой первым, – закричала Киара, пихнув Шэрон с такой силой, что та свалилась с дивана. От неожиданности Шэрон на секунду застыла, а потом расхохоталась.

– Да успокойтесь вы все, – изрек голос разума, принадлежащий Эбби, которая пыталась поднять с пола истерически хохочущую Шэрон. – Я думаю, что сначала надо открыть бутылочку шампанского, а уж *потом* – подарки.

– Ладно, но все равно, пусть мой откроет первым! – надула губы Киара.

– Киара, обещаю, что открою твой первым, – сказала Холли сестре как маленькому ребенку.

Эбби побежала на кухню и вернулась с подносом, на котором стояли фужеры для шампанского.

– Все пьют шампанское, девочки?

Эти фужеры Холли подарили на свадьбу, и на одном из них было выгравировано «Джерри и Холли». Этот бокал тактичная Эбби оставила на кухне.

– Давай, Холли, открывай бутылку, – сказала она, протягивая шампанское. Холли начала открывать бутылку, и все бросились прятаться кто куда.

– Да не бойтесь вы, я не так уж плохо это делаю!

– Ага, к этому возрасту ты уже стала профессионалом, – сказала Шэрон, вставая из-за дивана с подушкой на голове.

Услышав звук вылетевшей пробки, девушки радостно крикнули «ура» и вылезли из своих убежищ.

– Божественный звук, – сказала Дениз, прижав руку к сердцу.

– Ну все, теперь открывай мой подарок! – снова закричала Киара.

– Киара! – запротестовали остальные.

– После тоста, – веско добавила Шэрон.

Все подняли бокалы.

– Ну хорошо, давайте выпьем за лучшую в мире подругу, у которой выдался очень тяжелый год, но, несмотря на это, она все время оставалась самым сильным и храбрым человеком, какого я когда-либо встречала. Она – образец для нас всех. Давайте выпьем за то, чтобы она нашла счастье на следующие тридцать лет своей жизни! За Холли!

– За Холли! – подхватили все. Глаза у всех блестели от слез, кроме, конечно, Киары, которая залпом выпила свое шампанское и стала снова настойчиво совать Холли свой подарок.

– Подожди! Сначала надень вот эту диадему! Сегодня ты – наша принцесса. И вот что я тебе дарю!

Девушки помогли Холли надеть сверкающую диадему, которая изумительно подошла к ее черному блестящему корсету. В этот момент, окруженная подругами, она действительно чувствовала себя принцессой. Холли начала осторожно разворачивать подарок.

– Да просто разорви бумагу! – сказала Эбби, удивив всех.

Холли в растерянности смотрела на коробку, которая оказалась внутри:

– Что это?

– Прочитай! – возбужденно велела Киара.

Холли начала вслух читать текст на коробке:

– Работающий от батареек... О боже! Киара! Развратная девчонка! – Холли и девушки истерично захохотали.

– Ну, теперь мне эта штука точно понадобится, – засмеялась Холли, поднимая коробку перед камерой.

У Деклана был такой вид, как будто его сейчас стошнит.

– Нравится? – спросила Киара, которой хотелось одобрения. – Я хотела подарить тебе его на ужине у родителей, но потом подумала, что, наверное, не стоит...

– Да уж, молодец, что приберегла до сегодняшнего дня! – засмеялась Холли, обнимая сестру.

– Так, теперь от меня, – сказала Эбби, протягивая Холли свой подарок. – Это от нас с Джеком, поэтому не жди ничего похожего на подарок Киары.

– Ну, если бы Джек вздумал подарить мне что-нибудь подобное, я бы испугалась, – сказала она, разворачивая подарок Эбби. – О, Эбби, какая прелесть! – воскликнула Холли, увидев фотоальбом, украшенный пластинами из серебра.

– Это для твоих новых воспоминаний, – тихо сказала Эбби.

– Чудесный подарок, – сказала Холли, обнимая Эбби. – Спасибо!

– Мой подарок не такой сентиментальный, но я уверена, что ты его оценишь, – сказала Дениз, протягивая ей конверт.

– Ой, как здорово! Всегда хотела туда попасть! – воскликнула Холли, открыв конверт. – Выходные в загородной клинике «Красота и здоровье»!

– Боже, ты заговорила как участница программы «Свидание вслепую», – передразнила Шэрон.

– Скажи, когда надумаешь туда поехать, и мы все запишемся на это же время. Билет действителен в течение года. Сделаем себе маленький отпуск!

– Отличная идея, Дениз, спасибо!

– Ну что, остался последний подарок! – Холли подмигнула Шэрон. Та нервно переби-
рала пальцами, следя за выражением лица Холли. Она принесла подруге большую серебряную
рамку, в которую вставила фотографию Шэрон, Дениз и Холли на рождественском балу два
года назад.

– О, на мне мое безумно дорогое белое платье! – дурачась, плаксиво протянула Холли.

– *До того*, как оно было испорчено, – подчеркнула Шэрон.

– Боже, а я даже не помню, что мы фотографировались!

– Я даже не помню, что я там была, – пробормотала Дениз.

Холли продолжала грустно рассматривать фотографию, пока шла к камину.

Это был последний бал, на который они пошли вместе с Джерри. В прошлое Рождество
он уже был слишком болен, чтобы ходить по ресторанам.

– Я помещаю ее на почетное место, – объявила Холли, ставя рамку на каминную полку
рядом со свадебной фотографией.

– Ну что, девочки, теперь давайте выпьем всерьез! – крикнула Киара, и все снова попря-
тались, пока Холли открывала вторую бутылку шампанского.

За шампанским последовало еще несколько бутылок красного вина, после чего девушки
нетвердым шагом покинули дом и погрузились в такси. Бесперывно хихикая, они все же кое-
как сумели объяснить водителю, куда им надо. Холли настояла на своем и уселась рядом с так-
систом. Всю дорогу она изливала несчастному водителю – как выяснилось, по имени Джон, –
свою душу, так что к тому моменту, когда они наконец добрались до места, он, похоже, готов
был ее убить.

– Пока, Джон! – хором закричали все своему новому лучшему другу и дружно вывали-
лись на тротуар в центре Дублина. Джон на бешеной скорости отчалил прочь. Они решили (это
случилось, когда они приканчивали третью бутылку) попытать счастья в «Будуаре» – самом
стильном дублинском клубе. Клуб был открыт только для самых богатых и знаменитых, и все
прекрасно знали, что, если ты не богат и не знаменит, тебя сюда не пустят – разумеется, если у
тебя нет клубной карты. Дениз подошла к двери и спокойно помахала вышибалам своей кар-
точкой видеопроката. Как ни странно, ее не пропустили.

Единственными знаменитостями, которым удалось пройти в клуб, пока они спорили с
вышибалами, оказались несколько телеведущих с общенационального канала. Пока они про-
ходили мимо, Дениз улыбалась им и радостно повторяла: «Добрый вечер». К сожалению, после
этого момента Холли больше не помнила ничего.

На следующее утро Холли проснулась с головой, раскалывающейся от боли. Во рту стояла
великая сушь, и что-то странное творилось с глазами. Когда она подняла голову от подушки и
попыталась их открыть, оказалось, что кто-то склеил ей веки. Она все-таки напряглась и раз-
лепила глаза. Свет ослепил ее, но она успела заметить, что комната почему-то вращается. Про-
исходило что-то очень странное. Холли поймала в зеркале собственное отражение и пришла
в ужас. Может, она вчера попала в аварию? На этом силы ее иссякли, и она снова рухнула на
постель. В этот миг вдруг раздался жуткий вой сирены – включилась сигнализация. Она чуть
приподняла голову и приоткрыла один глаз. О, берите все, что хотите, главное – принесите мне
стакан воды, когда будете уходить. Через некоторое время до нее дошло, что это была никакая
не сигнализация. Звонил телефон.

– Алло, – хрипло сказала она.

- О, хорошо, значит, не одна я такая, – сказал больной голос на другом конце провода.
- Кто это? – спросила Холли.
- Кажется, меня зовут Шэрон, – услышала в ответ Холли, – только не спрашивай меня, кто я такая, потому что я не знаю. Мужчина рядом со мной утверждает, что мы знакомы. – Холли услышала, как Джон громко засмеялся.
- Шэрон, что вчера случилось? Просвети меня, пожалуйста.
- Вчера случился алкоголь, – сказала Шэрон сонным голосом. – Крайне много алкоголя.
- Еще информация есть?
- Нет.
- Ты знаешь, сколько сейчас времени?
- Два часа.
- Почему ты звонишь мне так поздно ночью?
- Сейчас два часа дня, Холли.
- А-а. Как это произошло?
- Земное притяжение или что-то в этом роде. Я прогуляла тот день в школе.
- О боже, по-моему, я умираю.
- Я тоже.
- Пожалуй, я еще посплю, может, когда я проснусь, пол перестанет качаться.
- Хорошая идея. Ах да, Холли, добро пожаловать в клуб тридцатилетних.
- Я начала не так, как хотелось бы, – простонала Холли. – С этого момента я буду взрослой, разумной тридцатилетней женщиной.
- Ага, я то же самое себе говорила. Спокойной ночи.
- Спокойной ночи.

Через несколько секунд Холли уже спала. В течение дня она несколько раз просыпалась, чтобы ответить на телефонные звонки, но все разговоры казались ей частью снов. И еще она много раз ходила на кухню за водой.

В конце концов в девять вечера Холли поддалась требованиям пустого желудка. Как обычно, в холодильнике зияла пустота, поэтому она решила побаловать себя китайской кухней с доставкой на дом. Уютно устроившись перед телевизором, как была в пижаме, она принялась за еду. Надо же, еще вчера она чуть ли не плакала от того, что у нее день рождения, а Джерри нет рядом, а сегодня с удивлением осознала, что ей в общем-то хорошо. Впервые после смерти Джерри ей доставила удовольствие собственная компания. Появился небольшой шанс, что она сможет выжить без него.

Позднее, вечером, ей на мобильный позвонил Джек:

- Привет, сестричка, что делаешь?
- Смотрю телик, ем китайскую еду, – сказала она.
- Ну, кажется, ты в хорошей форме. Чего не скажешь о моей несчастной девушке, которая лежит тут рядом и страдает.
- Я больше никуда с тобой не пойду, Холли, – услышала она слабый голос Эбби.
- Ты со своими подружками развратила ее, – пошутил Джек.
- Я тут ни при чем. Насколько я помню, она с удовольствием развлекалась.
- Она утверждает, что ничего не помнит.
- Я тоже. Возможно, это происходит, как только тебе исполняется тридцать. Со мной это впервые.
- Или это просто ваш коварный план: вы все сговорились, чтобы вам не пришлось признаваться, что вы вчера натворили.
- Если бы... Кстати, спасибо за подарок. Он просто прелесть.
- Я рад, что тебе понравилось. Потратил уйму времени, чтобы найти то, что надо.
- Врун.

Он засмеялся.

– Ну ладно, я вообще-то по делу тебе звоню. Ты пойдешь завтра вечером на концерт Деклана?

– Где это?

– В пабе «У Хогана».

– Ну уж нет. Ноги моей больше не будет в пабах! Особенно на концертах орущей рок-группы с визжащими гитарами и оглушительными барабанами, – ответила Холли.

– Ха-ха! Капли больше в рот не возьму, да? Слушай, никто ж тебя не заставляет пить. Пойдем, Холли, пожалуйста. Деклан действительно очень волнуется из-за этого концерта, а больше никто из родных не придет.

– То есть ты позвал меня последней? Приятно узнать, что ты такого высокого обо мне мнения.

– Да брось ты! Деклан будет страшно рад тебя увидеть. К тому же у родителей мы так толком и не поговорили... И вообще мы давным-давно никуда не ходили вместе, – уговаривал ее Джек.

– Ну, вряд ли мы сможем душевно поговорить под грохот «Рыбы в оргазме», – ехидно сказала она.

– Вообще-то теперь они называются «Черная клубника». Согласись, в этом названии есть что-то милое и сладкое, – засмеялся он.

Холли сжала свою голову руками и застонала:

– Джек, я тебя умоляю, не заставляй меня идти туда.

– Ты придешь.

– Ну ладно, ладно. Только до конца я не останусь.

– Детали обсудим при встрече. Деклан правда очень обрадуется. Родственники никогда не ходят на его концерты.

– Ну хорошо, значит, ближе к восьми?

– Да, пока.

Холли повесила трубку и просидела еще несколько часов, как будто пригвожденная к дивану. Она так объелась, что не могла с места двинуться. Видимо, китайская кухня оказалась не такой уж хорошей идеей.

Глава девятая

Холли приехала в паб «У Хогана», чувствуя себя намного лучше, чем накануне, хотя обычная живость к ней еще не вернулась. Похоже, с возрастом похмелье переносится все труднее, а уж вчерашнее по тяжести заслуживало золотой медали чемпиона. Утром она устроила себе долгую прогулку по побережью от Малахайда до Портмарнока и дала прохладному ветерку освежить ее голову. Потом заглянула на воскресный обед к родителям, и они подарили ей на день рождения красивую хрустальную вазу. Это был чудесный, ленивый день, и ей пришлось насильно стаскивать себя с уютного дивана, чтобы ехать в паб.

Паб «У Хогана» – трехэтажное здание в центре города – пользовался популярностью, и даже в воскресенье тут было не протолкнуться. На втором этаже располагался модный ночной клуб, в котором исполняли все последние танцевальные хиты. Сюда ходила молодежь похвастать друг перед другом новыми шмотками. Первый этаж занимал традиционный ирландский паб для людей постарше – обычно возле стойки бара здесь сидели старики, со стаканом в руке предававшиеся размышлениям о жизни. Несколько раз в неделю в пабе выступал оркестр, игравший традиционную ирландскую музыку – старые любимые песни, которые нравились и молодым, и старым. Темный и грязный подвал облюбовали рок-группы, слушать которые приходили исключительно студенты, и Холли показалось, что она здесь старше всех. В баре, вокруг маленькой стойки в углу длинного зала, толпилась целая куча студентов в потертых джинсах и рваных майках. Они толкались и пихались, торопясь сделать заказ. Бармены и официанты казались еще школьниками и носились по залу с потными и красными лицами со скоростью не ниже сотни миль в час.

В прокуренном подвале, лишенном вентиляции или кондиционера, стояла страшная духота. Практически все вокруг нее курили, и у Холли от дыма защипало глаза. Она боялась даже представить себе, во что этот зальчик превратится через час, хотя, похоже, беспокоило это только ее одну.

Она помахала Деклану, показывая ему, что пришла, но пробираться к нему не стала – вокруг него толпилась стайка девушек. Ей не хотелось вводить его в смущение. Сама Холли никогда не знала студенческой жизни. После школы она решила не поступать в колледж, а вместо этого пошла работать секретаршей. Каждые несколько месяцев она переходила с одного места на другое, в конце концов оказавшись в той ужасной конторе, которую бросила, когда заболел Джерри, чтобы проводить с ним больше времени. В любом случае вряд ли она надолго осталась бы на том месте. Джерри учился на факультете маркетинга в Дублинском городском университете, но и он практически не общался с однокурсниками, предпочитая им компанию Холли, Шэрон, Джона, Дениз и ее поклонников. Рассматривая публику вокруг себя, Холли подумала, что она мало что потеряла.

Наконец Деклану удалось оторваться от своих фанаток и подойти к Холли.

– Ну, здравствуй, мистер Звезда! Я счастлива, что ты решил поговорить со мной. – Девушки уставились на Холли, недоумевая, что Деклан нашел в этой старухе.

Деклан потер руки и хитро засмеялся.

– Ага! Играть в группе – круто! Чует мое сердце, сегодня у меня будет бурная ночь, – самоуверенно заявил он.

– Мне, как твоей сестре, всегда приятно об этом узнать, – ехидно отозвалась Холли.

Беседовать с Декланом оказалось нелегким делом – вместо того чтобы смотреть ей в глаза, он обшаривал взглядом толпу.

– Ладно, Деклан, иди флиртуй с теми красотками! Чего зря тратить время на старушку-сестру.

– Да нет, не в этом дело, – сказал он, оправдываясь. – Просто нам сказали, что сюда, возможно, придет парень из звукозаписывающей компании. Нас послушать.

– Здорово! – Глаза Холли расширились от волнения. Это явно значило для него очень много, и она испытала легкое чувство вины из-за того, что раньше не интересовалась его жизнью. Она принялась оглядываться, пытаясь обнаружить человека из звукозаписывающей компании. Как он должен выглядеть? Вряд ли он сидит в углу с блокнотом и яростно в нем строчит. Наконец она заметила мужчину, который казался старше, чем остальная публика, примерно ее возраста. В черной кожаной куртке, черных брюках и черной майке, он неподвижно стоял, глядя на сцену. Судя по щетине на подбородке и одежде, выглядевшей так, словно он в ней спал, он точно явился из компании звукозаписи. Наверное, ночи напролет таскается по концертам... Можно себе представить, как от него воняет. А может, он просто извращенец, который шляется по студенческим вечеринкам и заигрывает с молоденькими девушками. Тоже не исключено.

– Вон он, Дек! – крикнула Холли, перекрывая шум, и ткнула пальцем в мужчину. Деклан быстро повернулся, куда она показывала, и улыбка исчезла с его лица.

– Нет, это всего лишь Дэнни! – заорал он в ответ и свистнул, привлекая к себе внимание парня в черном.

Дэнни услышал свист, обнаружил его источник, кивнул Деклану и стал пробираться к ним.

– Здорово, чувак, – сказал Деклан, пожимая ему руку.

– Привет, Деклан. Как вы, готовы? – Казалось, он волновался.

– Ага, все о'кей, – равнодушно отозвался Деклан. Кто-то явно внушил ему, что это круто – делать вид, что тебе все по фигу.

– Саунд-чек прошел нормально? – продолжал расспрашивать он.

– Была пара проблем, но мы их решили.

– Значит, все ладушки?

– Ага.

– Ну и хорошо. – Его лицо расслабилось, и он повернулся, чтобы поздороваться с Холли. – Извините, что сразу не поздоровался. Меня зовут Дэниел.

– Очень приятно. Я Холли.

– Ой, извините, – перебил Деклан. – Холли, это Дэниел, владелец клуба, а это моя сестра.

– Сестра? Вы совсем не похожи.

– И слава богу, – одними губами, чтобы Деклан не услышал, сказала Холли Дэниелу, и тот рассмеялся.

– Эй, Дек, начинаем! – позвал парень с голубыми волосами.

– Увидимся после концерта, – бросил Деклан и убежал.

– Удачи! – вслед ему крикнула Холли. – Значит, вы Хоган, – сказала она, повернувшись к Дэниелу.

– Вообще-то нет. Моя фамилия Коннолли, – улыбнулся он. – Я просто купил это место несколько недель назад.

– Да? – удивилась Холли. – Я и не знала, что они его продали. И что, поменяете название на «У Коннолли»?

– Вряд ли. Я не могу себе позволить новую вывеску – слишком много букв.

Холли засмеялась.

– Тем более что все знают паб «У Хогана». Наверное, глупо его переименовывать.

– Конечно, это и есть главная причина, – согласно кивнул Дэниел.

В этот момент в дверях появился Джек, и Холли махнула ему рукой.

– Извини, что опоздал. Я что-нибудь пропустил? – сказал он, обнимая ее и целуя в щеку.

– Нет, они только начинают. Джек, это Дэниел – владелец паба.

– Приятно познакомиться, – произнес Дэниел, пожимая ему руку.
– А они хорошо играют? – спросил Джек, мотнув головой в сторону сцены.
– Если честно, я их ни разу не слышал, – ответил Дэниел, и его лицо выразило беспокойство.
– Смело с вашей стороны! – засмеялся Джек.
– Надеюсь, что не слишком, – сказал он и опять посмотрел на сцену.
– Я здесь кое-кого знаю, – сказал Джек, вглядываясь в толпу. – Большинству нет еще и восемнадцати.

Молоденькая девушка в драных джинсах и коротеньком топе медленно продефилировала мимо Джека. Она неуверенно улыбалась и прижимала палец к губам, как будто просила не выдавать ее. Джек улыбнулся ей в ответ.

Холли вопросительно посмотрела на него:

– Кто это?

– Моя ученица. Я веду у них в школе английский. Ей всего шестнадцать или семнадцать. Она хорошая девочка. – Джек посмотрел ей вслед. – Но лучше ей завтра не опаздывать на урок, – добавил он.

Холли видела, как девушка взяла в баре пол-литровую кружку пива. Вот бы у нее в школе был такой учитель, как Джек! Похоже, ученики его любят. И ясно почему, он действительно замечательный.

– Не говори *ему*, что им нет восемнадцати, – прошептала Холли, кивая в сторону Дэниела.

Толпа заулюлюкала, и на сцену с невозмутимым выражением лица вышел Деклан, перекидывая через плечо ремень гитары. Концерт начался, и продолжать беседу стало невозможно. Все вокруг запрыгали, и то и дело кто-нибудь приземлялся на ногу Холли. Джек смотрел на нее и смеялся – происходящее его явно веселило.

– *Могу я принести вам что-нибудь выпить?* – заорал Дэниел, отчаянно жестикулируя. Джек попросил «Будвайзер», а Холли – «Севен-ап». Они видели, как Дэниел с трудом пробирается сквозь беснующуюся толпу и проходит за барную стойку. Через несколько минут он вернулся с напитками и высоким табуретом для Холли. Они снова повернулись к сцене, где выступал их брат. Музыка, чересчур не похожая на все, что любила Холли, звучала слишком громко, чтобы понять, хорошо ли ребята играют. Поклонница группы «Westlife», она, скорее всего, не имела права строго судить «Черную клубнику». Но само название казалось ей говорящим.

Прослушав четыре песни, Холли решила, что с нее хватит, обняла Джека и на прощание поцеловала его.

– *Скажи Деклану, что я оставалась до конца!* – прокричала она. – *Было приятно познакомиться, Дэниел! Спасибо за «Севен-ап»!* – И она стала пробираться к цивилизованному миру и прохладному свежему воздуху. Всю дорогу в ее ушах продолжало греметь. Она вернулась домой в десять вечера. До наступления мая оставалось всего два часа. Значит, она сможет вскрыть еще один конверт.

Холли сидела за кухонным столом, нервно барабанила пальцами по дереву. Она залпом выпила третью чашку кофе и выпрямилась на стуле. Продержаться без сна целых два часа оказалось труднее, чем она думала, – вечеринка в клубе слишком ее утомила. Она отстучала по полу беспорядочную чечетку и снова закинула ногу на ногу. Часы показывали 23.30. Конверт лежал перед ней на столе, и она почти видела, как он показывает ей язык и напевает: «Ля-ля-ля, ля-ля-ля».

Она взяла его в руки и ощупала. Кто узнает, если она откроет его раньше времени? Шэрон с Джоном, наверное, вообще забыли о его существовании, а Дениз после двухдневного похме-

лья вообще ни до чего нет дела. Даже если спросят, она легко может соврать, но им, скорее всего, все равно. Никто не узнает. Никого это не интересует. Нет, неправда. Джерри узнает.

Каждый раз, прикасаясь к конвертам, Холли чувствовала связь с Джерри. Когда она открывала два первых, ей казалось, что Джерри сидит рядом и подсмеивается над ней. Пусть они пребывали в разных мирах, они словно играли вдвоем в одну игру. Она *чувствовала* его, и он узнал бы, что она смошенничала.

После еще одной чашки кофе Холли начала просто слоняться по кухне. Минутная стрелка еле ползла по циферблату, как будто пробовалась на роль в сериале «Спасатели Малибу». В конце концов все же наступила полночь. Холли неторопливо перевернула конверт, наслаждаясь этим мигом. Джерри сидел за столом напротив нее: «Ну, давай, распечатывай!»

Она аккуратно вскрыла конверт и провела пальцем по клейкой полоске, зная, что ее касался язык Джерри. Она достала из конверта карточку:

«Давай, Диско-дива! Сразись со своим страхом перед караоке в клубе «Дива» в этом месяце, и, как знать, может, тебя ждет награда...

P.S. Я люблю тебя...»

Она почувствовала, что Джерри смотрит на нее, уголки ее губ поднялись в улыбке, и она расхохоталась. С трудом переводя дыхание, она несколько раз повторила: «Ни за что!» Наконец она успокоилась и объявила на всю кухню: «Джерри! Ты козел! Я не собираюсь снова проходить через это, даже не думай!»

Джерри засмеялся громче.

– Это не смешно. Ты знаешь, что я думаю по этому поводу! Я отказываюсь делать это. Нет, нет и нет! Ни за что! Я не стану это делать.

– Придется, – засмеялся Джерри.

– Я не обязана!

– Ради меня.

– Я не буду этого делать ни ради тебя, ни ради мира во всем мире. Я ненавижу караоке!

– Сделай это для меня, – повторил он.

Звонок телефона заставил Холли подпрыгнуть на месте. Это была Шэрон.

– Слушай, уже пять минут первого! Что там написано? Мы с Джоном умираем от любопытства!

– С чего вы взяли, что я его открыла?

– Ха! – фыркнула Шэрон. – После двадцати лет дружбы я знаю тебя лучше, чем ты сама себя знаешь! Давай признавайся! Что там написано?

– Я не стану этого делать, – отрубила Холли.

– Что? Ты не хочешь говорить?

– Нет. И я не буду делать то, о чем он просит.

– Почему? И о чем он просит?

– Это просто жалкая попытка Джерри пошутить! – крикнула она в потолок.

– Я заинтригована, – сказала Шэрон. – Ну, не тяни, рассказывай.

– Холли, выкладывай, что там? – сказал Джон в другую трубку.

– Ну ладно... Джерри хочет, чтобы я... спела под караоке, – протараторила она.

– Что? Холли, мы не поняли ни слова, – сказала Шэрон.

– Нет, я понял, – перебил Джон. – Мне кажется, ты сказала что-то про караоке, я прав?

– Да, – ответила Холли после паузы. Может быть, если бы она промолчала, ничего не произошло бы. Ее друзья начали хохотать так громко, что Холли пришлось отодвинуть трубку подальше от уха. – Позвоните мне, когда заткнетесь, – сказала она, разозлившись, и нажала отбой.

Через несколько минут они перезвонили.

– Алло?

Она услышала, как на другом конце провода Шэрон фыркает, потом хихикает, и связь прервалась.

Еще через десять минут она перезвонила сама.

– Алло?

– Слушаю. – Шэрон говорила подчеркнуто серьезным, деловым тоном. – Извини, я уже успокоилась. Не смотри на меня, Джон, – сказала Шэрон в сторону. – Прости меня, Холли, но я просто все время вспоминала тот раз, когда ты...

– Да, да, да! – перебила Холли. – Не надо об этом! Это был самый позорный день моей жизни, и не думай, что я его забыла. И поэтому не собираюсь делать это снова.

– Послушай, Холли, нельзя же расстраиваться из-за такой глупости!

– Если то, что случилось со мной, меня бы не расстроило, значит, мне пора в психбольницу!

– Холли, ну подумаешь, просто небольшой конфуз...

– Спасибо, я помню! В любом случае, я не умею петь, Шэрон! Мне кажется, в прошлый раз я это с блеском доказала!

Шэрон затихла.

– Шэрон?

Молчание.

– Шэрон, ты там?

Нет ответа.

– Шэрон, ты смеешься, что ли? – рявкнула Холли.

Она услышала тихий писк, и на том конце повесили трубку.

– Какие у меня чудесные друзья, они всегда готовы меня поддержать, – пробормотала она.

– Джерри! – закричала Холли. – Я думала, ты будешь помогать мне, а не превращать меня в психопатку!

Той ночью она почти не спала.

Глава десятая

– С днем рождения, Холли! Или надо говорить – с прошедшим днем рождения? – Ричард нервно засмеялся. У Холли челюсть отвисла от изумления, когда она увидела на пороге своего старшего брата. Она закрыла рот и снова открыла его, как аквариумная рыбка, совершенно не зная, что сказать. – Я принес тебе маленькие орхидеи *Phalaenopsis* в горшке, – сказал он, протягивая ей растение. – Их доставили свежими, они еще не распустились, но вот-вот зацветут. – Он говорил, как в рекламе.

Пораженная Холли легонько прикоснулась к розовым бутонам.

– Боже, Ричард, орхидеи – мои любимые цветы!

– Ну, у тебя такой милый сад. Милый и... – он откашлялся, – зеленый. Немного заросший, правда... – Он умолк и принялся перекатываться с каблучков на носки, что всегда злило Холли.

– Хочешь зайти? Или ты просто мимо проезжал? – Ну, пожалуйста, скажи, что не хочешь. Несмотря на подарок, Холли была не в настроении общаться с Ричардом.

– Ну да, пожалуй, зайду ненадолго. – Ричард вытирал ноги в течение минимум двух минут, прежде чем войти в дом. В своем вязаном коричневом кардигане и коричневых брюках, доходивших строго до верха аккуратных коричневых мокасин, он напомнил Холли ее старого учителя математики. Причесанный волосок к волоску, с безупречно чистыми, только что после маникюра ногтями... Холли представила себе, как он каждый вечер измеряет их маленькой линейкой, чтобы убедиться, что их длина не превышает европейского стандарта, если, конечно, такой существует.

Ей всегда казалось, что Ричарду неловко в собственном теле. Он выглядел так, будто туго затянутый (коричневый) галстук его душил, а ходил, словно к спине ему привязали шест. В те редкие моменты, когда он улыбался, улыбка никогда не затрагивала его глаз. Он муштровал собственное тело, орал на него и наказывал себя всякий раз, когда случайно начинал вести себя, как нормальный человек. Самое печальное, что он верил, что ему живется намного лучше, чем другим. Холли проводила его в гостиную и поставила орхидеи на телевизор.

– Нет, Холли, нет, – сказал он, погрозив ей пальцем, как непослушному ребенку. – Не ставь его туда! Он должен находиться в прохладном месте, защищенном от сквозняков, вдали от прямых солнечных лучей и нагревательных приборов.

– О, конечно. – Холли снова взяла горшок в руки и в панике стала искать для него подходящее место. Как он сказал? Теплое место, вдали от сквозняков? Как ему удавалось заставлять ее чувствовать себя дурочкой?

– Как насчет столика в центре комнаты? Там ему будет хорошо.

Холли сделала, как ей велели, и поставила горшок на журнальный столик, почти ожидая, что он назовет ее «хорошей девочкой». К счастью, он промолчал.

Ричард занял свое любимое место рядом с камином и осмотрелся.

– У тебя очень чисто, – прокомментировал он.

– Спасибо, я только что... убралась.

Он кивнул, как будто уже знал это.

– Хочешь чаю или кофе? – спросила она, надеясь, что он откажется.

– Да, спасибо, – сказал он и хлопнул в ладоши, – я бы выпил чаю с молоком, но без сахара.

Холли вернулась из кухни с двумя кружками чая и поставила их на журнальный столик. Она надеялась, что пар от чашек не убьет бедное растение.

– Просто поливай его регулярно и подкармливай каждую весну. – Он все еще говорил о растении. Холли кивнула, прекрасно зная, что не будет делать ни того ни другого.

– Не знала, что ты знаток цветоводства, Ричард, – сказала она, стараясь поддержать беседу. Молчание, казалось, разрасталось, заполняя собой весь дом. – Часто работаешь в саду?

– О да, я люблю работать в саду. – Его глаза загорелись. – Суббота – мой садовый день, – объявил он, улыбаясь в свою чашку.

У Холли появилось ощущение, что рядом с ней сидит абсолютно незнакомый ей человек. Она поняла, что слишком мало знает о Ричарде, как и он почти ничего не знает о ее жизни. Но Ричард сам этого захотел, он всегда держался особняком, даже ребенком. Никогда не делился своими радостями, никогда не рассказывал, как у него прошел день. Всему на свете он предпочитал факты, и только факты. Даже о Мередит его семья впервые узнала в тот самый день, когда они вдвоем пришли на ужин и объявили о своей помолвке. Отговаривать его от женитьбы на этой рыжеволосой зеленоглазой драконихе было, к сожалению, слишком поздно. Да и не стал бы он их слушать.

– Послушай, – решила она, и ее голос прозвучал слишком громко в маленькой гостиной, – в твоей жизни случилось что-то странное или необычное? Например, почему ты здесь?

– Нет, нет, ничего странного, все как всегда. – Он глотнул чаю и добавил: – И ничего необычного тоже. Просто захотел заскочить на минуту, раз уж оказался в этом районе.

– Понятно. Просто очень неожиданно, что ты забрался в наши края. – Холли засмеялась. – Что привело тебя в темный и опасный северный округ?

– Да, знаешь, просто по делу, – пробормотал он. – Но машину я, конечно, оставил на другом берегу реки!

Холли выдавила из себя улыбку.

– Шучу, шучу, – поспешил добавить он. – Она прямо рядом с домом на улице. Но... ты же не думаешь, что это и правда опасно? – серьезно спросил он.

– Думаю, с ней все будет в порядке, – насмешливо ответила Холли. – Вроде бы никто подозрительный в нашем тупике среди бела дня не шляется. – Он не оценил ее юмора. – Как Эмили и Тимми? Извини, я хотела сказать, Тимоти? – Разумеется, она оговорила не специально.

Глаза Ричарда загорелись:

– У них все хорошо, Холли, очень хорошо. Хотя я за них и беспокоюсь. – Он отвел взгляд и стал рассматривать комнату.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Холли, надеясь, что, может быть, сейчас Ричард откроется ей.

– Да нет, ничего конкретного, Холли. Дети вообще источник беспокойства. – Он поправил очки и посмотрел ей в глаза. – Наверное, ты рада, что тебе не придется беспокоиться о детях, – сказал он, засмеявшись.

В комнате повисло молчание.

Холли показалось, будто ее ударили ногой в живот.

– Так ты уже нашла работу? – продолжил он.

Холли сидела, окаменев от шока, ей все еще не верилось, что у него хватило наглости сказать ей это. Она чувствовала оскорбление и обиду, и ей хотелось, чтобы он немедленно покинул ее дом. Хватит разводить с ним церемонии! Не будет же она объяснять своему брату с его кургузым умишком, что она еще и не начинала искать работу, потому что скорбит по покойному мужу. Этого «беспокойства» ему не придется испытать еще лет пятьдесят.

– Нет, – рявкнула она.

– А на что же ты живешь? Получаешь пособие по безработице?

– Нет, Ричард, – сказала она, стараясь не терять самообладания, – я получаю не пособие по безработице, а вдовье пособие.

– А, замечательно! Удобная вещь, не правда ли?

– Я не стала бы употреблять слово «удобный». По-моему, это чрезвычайно тягостная вещь.

Атмосфера стала напряженной. Неожиданно Ричард хлопнул себя рукой по ноге.

– Я, пожалуй, поеду на работу, – объявил он, вставая и потягиваясь, как будто просидел несколько часов.

– Хорошо. – Холли испытала облегчение. – Тебе и правда лучше уехать, пока твою машину не угнали. – Он снова не понял шутки и стал выглядывать из окна, чтобы убедиться, что машина на месте.

– Ты права, она еще здесь, слава богу. Ну, было приятно тебя увидеть, и спасибо за чай, – сказал он какой-то точке на обоях поверх ее головы.

– Пожалуйста, и спасибо за орхидею, – ответила Холли сквозь зубы. Ричард пошел по дорожке через сад, но на полпути остановился осмотреться. Покачал головой в знак неодобрения и крикнул: «Тебе нужно нанять кого-нибудь, кто бы навел здесь порядок!» – и уехал на своей коричневой семейной машине.

Холли кипела от злости, глядя, как он отъезжает. Потом с грохотом захлопнула дверь. Этот человек так ее взбесил, что она чуть не выгнала его. Как можно до такой степени ничего не понимать?

Глава одиннадцатая

– Шэрон, я его просто *ненавижу*! – жаловалась Холли подруге по телефону вечером того же дня.

– Не обращай на него внимания, Холли! С ним ничего не поделаешь, он клинический идиот, – ответила та с негодованием.

– Но это раздражает меня еще больше. Все говорят, что с ним ничего не поделаешь, что он не виноват. Он взрослый мужчина, Шэрон. Ему тридцать шесть. Ему уже пора знать, когда держать свой рот закрытым. Он нарочно это говорит, – кипятилась Холли.

– Не думаю, что он делает это намеренно, Холли, – попыталась успокоить ее Шэрон. – Мне кажется, он просто заехал поздравить тебя с днем рождения.

– Да? С какой стати? – воскликнула Холли. – С каких это пор он вздумал приезжать ко мне и дарить подарки на день рождения? Он никогда этого раньше не делал! Никогда!

– Ну, тридцать – это все-таки дата...

– Нет, он так не думает! Он сам говорил за ужином у родителей несколько недель назад. Если я правильно запомнила, он сказал, – она стала передразнивать его голос, – «от этих вечеринок по случаю дня рождения одни неприятности». Вот придурок!

Шэрон засмеялась, потому что ее подруга говорила, как десятилетняя девочка. – Хорошо, значит, он злобное чудовище, и гореть ему в аду!

Холли на мгновение остановилась.

– Ну, я бы так не сказала, Шэрон...

Шэрон снова рассмеялась.

– То есть я не права?

Холли слабо улыбнулась. Джерри понял бы, что она чувствует. Он всегда знал, что нужно сказать и что сделать. Он обнял бы ее так, как умел обнимать только он, и все ее проблемы тут же растаяли бы. Она схватила с постели, на которой лежала, подушку и крепко обняла ее. Когда она в последний раз обнимала кого-нибудь, *по-настоящему* обнимала? А самое печальное – она не могла себе представить, что когда-нибудь сможет вот так обнять кого-то другого.

– Алло? Земля вызывает Холли! Ты там или я разговариваю сама с собой?

– Ой, извини, Шэрон, что ты сказала?

– Я спрашиваю, ты подумала по поводу караоке?

– Шэрон! – взвизгнула Холли. – Я не собираюсь об этом думать!

– Спокойно, женщина, спокойно! Я просто вот что подумала. Мы могли бы взять караоке напрокат и поставить его у тебя в гостиной. Ты сделала бы то, о чем он просит, и тебе не пришлось бы позориться на публике! Что ты на это скажешь?

– Нет, Шэрон, это прекрасная идея, но она не подходит. Он хочет, чтобы я пела в клубе «Дива», пропади он пропадом.

– Ах, как трогательно! Потому что ты Диско-дива?

– Наверное, он так думал, – сказала Холли с грустью.

– Н-да, только где этот клуб «Дива»? Ни разу о таком не слышала.

– Вот и прекрасно! Раз никто не знает, что это за клуб, значит, я не смогу выполнить его указание, правильно? – сказала Холли, довольная, что нашла выход из тупика.

Они попрощались, но, едва она повесила трубку, телефон снова зазвонил.

– Здравствуй, милая.

– Мама! – сказала Холли с упреком в голосе.

– О боже, что я натворила?

– Меня сегодня навестил твой злобный сын, и я им крайне недовольна.

– Ох, прости, дорогая, я звонила предупредить, что он к тебе заедет, но все время попадала на автоответчик. Ты вообще иногда включаешь телефон?

– Дело не в этом, мам.

– Я знаю, извини. А что он сделал?

– Он открыл рот. Это уже проблема.

– О нет! Он так хотел подарить тебе подарок.

– Ну, я не отрицаю, что подарок милый и трогательный, но он говорил мне ужасные вещи и даже глазом при этом не моргнул!

– Хочешь, я поговорю с ним?

– Да нет, не надо. Мы уже большие мальчики и девочки. Но за предложение спасибо. Так что ты хотела? – Холли поспешила сменить тему.

– Мы с Киарой смотрим фильм с Дензелом Вашингтоном. Киара считает, что когда-нибудь выйдет за него замуж, – засмеялась Элизабет.

– Точно, выйду! – закричала издали Киара.

– Не хотелось бы ее расстраивать, но он женат, – сказала Холли.

– Он женат, дорогая. – Элизабет передала новость.

– Подумаешь, эти голливудские браки... – пробормотала Киара.

– И вы в доме одни? – спросила Холли.

– Фрэнк в пабе, а Деклан в колледже.

– В колледже? Но уже десять вечера! – засмеялась Холли. Деклан, вероятно, шатался где-то в городе и делал что-нибудь противозаконное, используя колледж как прикрытие. Неужели мать настолько простодушна, чтобы поверить в это, особенно учитывая, что она вырастила четверых старших детей?

– Ну что ты, он очень трудолюбив, когда захочет. Холли, он работает над каким-то проектом. Я не знаю, что это такое, потому что, когда он рассказывает, половину пропускаю мимо ушей.

– М-м-м, – недоверчиво протянула Холли.

– Ну ладно, мой будущий зять снова на экране, поэтому я должна отключиться, – засмеялась Элизабет. – Не хочешь к нам присоединиться?

– Спасибо, нет. Мне и здесь хорошо.

– Ну ладно, дорогая, но, если передумает, ты знаешь, где нас искать. Пока, детка.

Холли вернулась в одиночество своего пустого дома.

На следующее утро Холли проснулась в своей постели одетой. Она чувствовала, что опять поддается старым привычкам. Оптимизм, который она старательно копила в течение нескольких недель, таял на глазах. Стараться все время быть счастливой – чертовски утомительное занятие, и ей явно не хватало на это сил. Кому какое дело, если у нее дома бардак? Никто, кроме нее, его не увидит, а ей все равно. Кого волнует, если она неделю не будет краситься или мыться? Она не собиралась производить на людей впечатление. Единственным мужчиной, с которым она виделась регулярно, был парень из доставки пиццы. Этот ей всегда улыбался – как только получал чаевые. Кому какое дело? Рядом с ней завибрировал мобильник. Пришло сообщение от Шэрон.

«КЛУБ ДИВА ТЕЛ. 36700700

ПОДУМАЙ ОБ ЭТОМ. БУДЕТ ВЕСЕЛО

СДЕЛАЙ ЭТО ДЛЯ ДЖЕРРИ».

Джерри умер, хотелось ответить ей. Но вот что странно. С начала истории с конвертами она перестала думать о нем как о мертвом. Ей казалось, что он просто уехал в отпуск и пишет ей письма. Ну, по крайней мере, можно позвонить в клуб и все разузнать. Это еще не значит, что ей придется пройти через это.

Она набрала номер, и ей ответил мужской голос. Она еще не придумала, что сказать, поэтому быстро повесила трубку. Ну, давай, Холли, сказала она себе, это не так сложно, просто скажи, что в караоке хочет петь твоя подруга.

Холли собрала свою волю в кулак и снова набрала номер.

Ей ответил тот же голос: «Клуб «Дива».

– Здравствуйте... Я хотела узнать, у вас бывают вечера караоке?

– Бывают... По... – она услышала, как он перелистывает страницы, – да, извините, по четвергам.

– По четвергам?

– Ой, нет, подождите... – Он снова принялся листать. – Нет, по вторникам, вечером.

– Вы уверены?

– Да, точно по вторникам.

– А скажите... Э-э-э, ну, я хотела спросить, м-м-м... – Холли сделала глубокий вдох и начала: – Моя подруга хотела бы спеть в караоке, и она хотела узнать, что ей нужно для этого сделать?

На другом конце провода повисла длинная пауза.

– Алло? – Видимо, ей попался умственно отсталый собеседник.

– Простите, пожалуйста. Дело в том, что организацией вечеров караоке занимаюсь не я, поэтому...

Холли начала терять терпение. Она долго собиралась с духом, чтобы сделать этот звонок, и какой-то некомпетентный тупица не испортит ее затею.

– Ну хорошо, а есть у вас там кто-нибудь, кто знает?

– Не-а. Вообще-то клуб еще не открылся, слишком рано, – довольно ехидно ответил он.

– Спасибо вам большое, вы мне очень помогли! – в тон ему сказала она.

– Постойте! Если вы чуть-чуть подождете, я постараюсь что-нибудь для вас узнать. – Он перевел Холли на ожидание вызова, и в течение следующих пяти минут она вынужденно слушала мелодию «Зеленых рукавов».

– Аллю, вы еще здесь?

– Да, как ни странно, – сказала она рассерженно.

– Извините, что заставил вас ждать, пришлось звонить. Как зовут вашу подругу?

Холли окаменела, это в ее планы не входило. Ну, ладно, она скажет свое имя, а потом ее «подруга» перезвонит и сообщит, что передумала.

– А, ее зовут Холли Кеннеди.

– Так вот, у нас по вторникам действительно проходит конкурс караоке. Три вторника подряд отбирают по два человека из десяти, а в последнюю неделю месяца эти шестеро поют в финале.

Холли сглотнула. Она не желала в этом участвовать.

– Но, к сожалению, – продолжил он, – запись на конкурс закончилась несколько месяцев назад, поэтому, пожалуйста, скажите своей подруге, чтобы она попробовала записаться ближе к Рождеству. Тогда будет новый конкурс.

– Спасибо.

– Кстати, я что-то слышал про Холли Кеннеди. Это случайно не сестра Деклана Кеннеди?

– Да, а вы что, ее знаете? – спросила пораженная Холли.

– Ну, не сказал бы, что знаю, просто ее брат познакомил нас здесь несколько дней назад.

Неужели Деклан ходит по клубам и представляет девушек под видом своей сестры? Большой, извращенец...

– Деклан выступал в клубе «Дива»?

– Да нет, – засмеялся он, – он играл со своей группой у нас в подвальном этаже.

Холли напряглась, переваривая полученную информацию, и наконец до нее дошло.

– Так клуб «Дива» находится в пабе «У Хогана»?

Он снова засмеялся:

– Ну да, на верхнем этаже. Наверное, надо давать больше рекламы!

– Вы Дэниел? – выпалила Холли и тут же сама себя стукнула за глупость.

– Да... Мы знакомы?

– Нет! Не знакомы! Холли просто упомянула вас в разговоре, вот и все. – Только брякнув это, она поняла, как двусмысленно это прозвучало. – Коротко упомянула, – уточнила она. – Сказала, вы принесли ей табурет. – Холли начала тихо биться головой об стену.

Дэниел снова засмеялся:

– Понятно... Ну, передайте ей, если она хочет участвовать в конкурсе на Рождество, я могу ее записать прямо сейчас. Вы не представляете, сколько народу рвется записаться.

– Правда? – слабо выговорила Холли. Она чувствовала себя полной дурой.

– Кстати, с кем я разговариваю?

Холли стала ходить взад-вперед по комнате.

– Э, Шэрон. Меня зовут Шэрон.

– Отлично, Шэрон. Ваш номер у меня на определителе, поэтому, если кто-нибудь откажется, я вам сразу перезвоню.

– Спасибо, большое спасибо!

Он повесил трубку.

Холли нырнула в постель и зарылась с головой под одеяло. Она чувствовала, как все ее лицо наливается краской стыда. Она кляла себя на чем свет стоит. Вела себя как круглая дура!

Не обращая внимания на раздавшийся телефонный звонок, она попыталась убедить себя, что все же не выглядела полной идиоткой.

В конце концов, решив, что может снова явить миру свое лицо (на это ушло много времени), она вылезла из постели и нажала на кнопку автоответчика.

– Привет, Шэрон, ты, видимо, только что вышла. Это Дэниел из клуба «Дива». – Он замолчал и, засмеявшись, добавил: – Из паба «У Хогана». Я тут просматривал список имен... Похоже, кто-то уже записал Холли на конкурс еще несколько месяцев назад. Вообще-то она значится в списке одной из первых. Если, конечно, это не другая Холли Кеннеди... – Он опять помолчал. – В любом случае, позвоните мне, когда вам будет удобно, и мы во всем разберемся. Спасибо.

Пораженная, Холли застыла на краю кровати. Так она просидела несколько часов.

Глава двенадцатая

Шэрон, Дениз и Холли сидели в кафе «Бьюлиз» у окна с видом на Графтон-стрит. Они часто встречались здесь, болтая и поглядывая, как мимо них движется мир. Шэрон всегда утверждала, что отсюда лучше всего изучать витрины – и действительно, все ее любимые магазины отлично просматривались через окно.

– Поверить не могу, что Джерри это организовал! – воскликнула Дениз, когда ей сообщили новость. Свои длинные темные волосы она отбросила на спину, и ее ярко-голубые глаза сверкали энтузиазмом.

– Будет довольно весело, разве нет? – с волнением сказала Шэрон.

– О боже! – При одной мысли об этом у Холли задрожали коленки. – Я правда, правда, *правда* страшно не хочу на это идти! Но я должна довести до конца то, что начал Джерри.

– Вот это правильный настрой, Хол! – одобрила Дениз. – Мы все будем рядом, чтобы тебя поддержать!

– Стоп, Дениз, – сказала Холли, меняя тон. – Я настаиваю, чтобы со мной пошли только ты и Шэрон, больше никто. Я не собираюсь устраивать представление. Все должно остаться между нами.

– Постой, Холли, – запротестовала Шэрон. – Это и будет представление! Никто не думал, что после того раза ты когда-нибудь снова споешь под караоке...

– Шэрон! – В голосе Холли звучала угроза. – Кое-кто мог бы и понять, что есть вещи, о которых лучше забыть. Потому что у кое-кого остался шрам на всю жизнь.

– А по-моему, кое-кто – просто глупая корова, которая сама себя терзает по пустякам, – пробормотала Шэрон.

– Так когда наступит великий день? – сменила тему Дениз, чувствуя, что атмосфера становится напряженной.

– В следующий вторник, – простонала Холли, наклонилась вперед и принялась делать вид, что бьется головой о столик. Посетители кафе смотрели на нее с любопытством.

– Ее на один день выпустили из психбольницы, – объявила на весь зал Шэрон, показывая на Холли.

– Не волнуйся, Холли, у тебя ровно семь дней, чтобы превратиться в Мэрайю Кэри. Никаких проблем, – сказала Дениз, улыбаясь Шэрон.

– Проще Леннокса Льюиса научить балету, – пожала плечами Шэрон.

Холли перестала биться головой о стол и посмотрела на подруг:

– Ну, Шэрон, спасибо тебе за поддержку.

– Нет, вы только представьте себе! Леннокс Льюис, в трико, с маленькой упругой попкой, танцует вокруг нас... – мечтательно сказала Дениз.

Холли и Шэрон перестали ворчать друг на друга и посмотрели на Дениз.

– Ты отвлекаешься, Дениз.

– Что? – переспросила Дениз, покидая мир своих фантазий. – Нет, вы представьте... Сильные мускулистые ляжки...

– Которыми он перешибет тебе хребет, только попробуй к нему приблизиться, – договорила за нее Шэрон.

– А что, это идея! – сказала Дениз, и ее глаза загорелись.

– Лично я уже представила, – сказала Холли, глядя в одну точку. – В некрологе будет написано: «Трагическая гибель Дениз Хеннесси, насмерть раздавленной самыми мощными в мире ляжками в тот самый миг, когда ей приоткрылись небеса...»

– Я не против, – согласно кивнула Дениз. – Какая прекрасная смерть! Дайте мне хоть кусочек тех небес!

– Ну хватит! – перебила ее Шэрон, грозя пальцем. – Оставь свои грязные фантазии при себе. А ты, – она ткнула в Холли, – прекрати уходить от темы.

– Да ты просто ревнуешь, Шэрон, потому что твой муж своими худосочными ляжками и спички не сломает, – поддразнила ее Дениз.

– Как раз у Джона с ляжками все в порядке. Не отказалась бы, если бы у меня были такие, – закончила Шэрон.

– Ну хватит! – Дениз ткнула пальцем в Шэрон. – Оставь свои грязные фантазии при себе.

– Девочки, девочки! – Холли щелкнула пальцами. – Давайте сосредоточимся на мне! Сосредоточьтесь на мне.

И она грациозно помахала руками перед их лицами.

– Ну ладно, мисс Эгоистка, что ты собираешься петь?

– Понятия не имею! А для чего еще я собрала это совещание?

– Какое совещание? Ты сказала, что хочешь пойти по магазинам, – сказала Шэрон.

– Да ну? – удивилась Дениз, глядя на Шэрон и подняв брови. – А я думала, что вы обе просто заглянули ко мне в обеденный перерыв.

– Вы обе правы, – заверила их Холли. – Считайте, что мы в магазине. Я покупаю идеи, и вы обе мне нужны.

– Ха-ха! Хороший ответ. – В кои-то веки Шэрон и Дениз согласились друг с другом.

– Слушайте! – возбужденно воскликнула Шэрон. – У меня есть идея. Помните, в Испании, мы две недели пели одну и ту же песню? Она к нам так привязалась, что в конце надоела до ужаса. Что это была за песня? – Холли пожала плечами. Если песня им надоела до ужаса, вряд ли стоит ее вспоминать.

– Я не знаю, – пробормотала Дениз, – вы меня с собой не позвали.

– Ну Холли, ты должна ее знать!

– Не помню.

– Должна вспомнить!

– Шэрон, ну что ты к ней привязалась, она же сказала, что не помнит, – сказала Дениз.

– Что же это была за песня? – раздраженно сдвинула виски руками Шэрон. Холли снова пожала плечами.

– Ура, вспомнила! – радостно объявила Шэрон и заголосила на все кафе: – «Солнце, море, секс, песок, дай мне руку, мой дружок!»

Холли вытаращила глаза. От стыда у нее запылали щеки – на них вовсю пялились люди за соседними столиками. Она повернулась к Дениз, надеясь, что та поможет ей унять Шэрон.

– «Е-е-е-е, секс, секс!» – Дениз уже подпевала Шэрон. Кое-кто из посетителей смотрел на них с веселым удивлением, но большинство бурно негодовало. А Дениз и Шэрон как ни в чем не бывало распевали незатейливую песенку, действительно бывшую хитом танцполов несколько лет назад. Они уже собрались в четвертый раз подряд затянуть припев (куплетов не помнила ни та ни другая), когда Холли решительно призвала их к молчанию.

– Девочки, я не могу петь эту песню! К тому же куплеты должен петь мужчина! В стиле рэп!

– Ну, по крайней мере, тебе не придется петь слишком долго, – засмеялась Дениз.

– Нет и еще раз нет! Не стану я петь рэп на конкурсе караоке!

– И правильно, – кивнула Шэрон.

– Ну ладно, что ты сейчас слушаешь? – Дениз снова стала серьезной.

– Группу «Westlife». – Она посмотрела на них с надеждой.

– Тогда спой песню «Westlife», – предложила Шэрон. – Хотя бы будешь знать все слова. Шэрон и Дениз дружно закатились хохотом.

– Может, переврешь мелодию... – с трудом выговорила Шэрон, корчась от смеха.

– ...зато будешь знать текст! – подхватила Дениз, и обе согнулись пополам от хохота.

Холли рассердилась, но, глядя, как заливаются подруги, сама не сдержалась и засмеялась. Они были правы, Холли медведь на ухо наступил. Она и двух нот не могла спеть без фальши. Песни, которая окажется ей по силам, скорее всего, вообще не существует. Наконец, когда подруги немного успокоились, Дениз посмотрела на часы и заныла, что ей пора возвращаться на работу.

Они пошли из кафе «Бьюлиз» – к радости большинства клиентов.

– Эти зануды наверняка теперь закатят вечеринку в честь нашего ухода, – бормотала Шэрон, пробираясь между столиками.

Взявшись под руки, они двинулись по Графтон-стрит к магазину одежды, в котором Дениз работала менеджером. Светило солнце, в воздухе веяло легкой прохладой. На Графтон-стрит, как обычно, творилось столпотворение: служащие близлежащих офисов спешили в рестораны, возле магазинов сновали покупатели, и все наслаждались ясной погодой. Чуть ли не на каждом углу уличные музыканты соревновались за внимание публики. Проходя мимо скрипача, Дениз и Шэрон изобразили несколько па ирландского танца, вогнав Холли в краску смущения.

Музыкант подмигнул им, и они бросили мелочь в его твидовую кепку, лежащую на земле.

– Ну ладно, лентяйки, мне пора на работу, – сказала Дениз, толкая дверь своего магазина. При виде начальства подчиненные перестали болтать и бросились поправлять одежду на полках. Холли и Шэрон еле сдержали смех. Они попрощались с Дениз и пошли в сторону торгового центра «Стивенз Грин», на парковке которого оставили свои машины.

– «Солнце, море, секс, песок», – тихо запела Холли. – О черт, Шэрон, из-за тебя эта песня опять ко мне привязалась.

– Ну вот, ты опять начала звать меня «черт Шэрон». Я ведь и обидеться могу, Холли. – И Шэрон принялась ей подпевать.

– Да ну тебя! – засмеялась Холли, ударяя ее по руке.

Глава тринадцатая

Было уже четыре, когда Холли наконец направилась домой, в свой пригородный Свордз. Коварная Шэрон убедила ее после кафе пройтись по магазинам. Кончилось это тем, что Холли разорилась на дурацкий топ, явно ей не по возрасту. Вообще-то деньги теперь, не имея стабильной зарплаты, следовало тратить осторожнее, иначе впереди ее ждут тяжелые времена. И, конечно, надо искать работу. Но она до сих пор с трудом выбиралась по утрам из постели, от одной мысли о том, что придется с девяти до пяти торчать в тоскливой конторе, у нее сразу падало настроение. Зато это помогло бы оплачивать счета... Холли громко вздохнула: со всем этим ей теперь предстоит справляться в одиночку. Думать об этом, и то тошно. Но в том-то и заключалась ее самая большая проблема – она беспрестанно об этом думала. Ей нужно чаще бывать с людьми, как сегодня, с Дениз и Шэрон, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Она позвонила матери и спросила, можно ли ей заехать.

– Конечно, зайка, мы всегда тебе рады. – Мать вдруг перешла на шепот: – Если ты не против столкнуться здесь с Ричардом.

О господи! С чего это он вдруг начал так активно навещать родственников?

Услышав новость, Холли решила ехать домой, но потом подумала, что ведет себя глупо. В конце концов, Ричард ее брат, и, как бы он ее ни раздражал, с какой стати ей от него бегать.

Дома у родителей стоял гвалт и толкотня. Казалось, в каждой комнате кто-то шумит, словно она вернулась в детство. Когда она вошла, мать как раз ставила на стол еще одну тарелку.

– Ой, мам, ну что ж ты не предупредила, что вы собираетесь ужинать? – сказала Холли, обнимая и целуя ее.

– А ты что, уже поела?

– Нет. Если честно, я умираю от голода. Просто не хотела тебя утруждать.

– О чем ты говоришь! Бедняжка Деклан останется один день без ужина, только и всего, – сказала она, подмигивая сыну, который как раз сидел за стол. В ответ он скорчил смешную рожицу. На этот раз в домашней атмосфере не ощущалось той напряженности, какая царила на предыдущем семейном ужине, – или, может, Холли сама сумела расслабиться.

– Итак, мистер Трудоголик, почему сегодня не в колледже? – спросила она с насмешкой.

– Я проторчал в колледже все утро, – ответил он. – И между прочим, опять к восьми туда двину.

– Поздновато, – сказал отец, подливая себе соуса. В его тарелке соуса всегда оказывалось больше, чем самой еды.

– Что поделаешь? В другое время монтажная занята.

– У вас только одна монтажная, Деклан? – поинтересовался Ричард.

– Ну да. – Он, как всегда, охотно отвечал на вопросы.

– А сколько студентов на курсе?

– Немного. Всего двенадцать человек.

– Неужели у колледжа не хватает денег?

– На студентов? – не понял Деклан.

– Нет, на еще одну монтажную.

– Ну, Ричард, у нас действительно небольшой колледж.

– Я думаю, в крупных университетах оборудование гораздо лучше. И вообще они лучше. Как всегда, в своем репертуаре.

– Ну нет, оборудование у нас первоклассное! Просто техники меньше, потому что мало студентов. И преподаватели у нас ничуть не хуже университетских, если не лучше – многие не

только преподают, но еще и работают в киноиндустрии. Короче, они сами делают то, чему нас учат. Это не какие-нибудь книжные черви.

«Молодец, Деклан», – подумала Холли и через стол подмигнула ему.

– Полагаю, в киноиндустрии слишком мало платят, поэтому им и приходится преподавать.

– Ричард, работать в кино престижно! Чтобы туда попасть, надо иметь высшее образование! А еще лучше – степень магистра или доктора!

– Да что ты? Неужели в этой области можно получить степень? – Ричард был поражен. – Я думал, это просто краткосрочные курсы.

Деклан, шокированный, перестал жевать и беспомощно посмотрел на Холли. Странно, что они не устали удивляться невежеству Ричарда.

– Ричард, а кто, по-твоему, делает все эти программы о садоводстве, которые ты смотришь? – вмешалась Холли. – Это же не просто кучка лоботрясов, которые кончили краткосрочные курсы.

Мысль о том, что съемка телепрограммы требует знаний и мастерства, явно никогда не приходила ему в голову.

– Это действительно прекрасные программы, – согласился он.

– И о чем будет твой фильм, Деклан? – спросил Фрэнк.

– Ну, там много всего, – прожевав, ответил тот. – Но в основном о клубной жизни в Дублине.

– А меня можешь снять? – горячо спросила Киара, до того необычайно молчаливая.

– Может, и вставлю твой затылок, – пошутил он.

– Буду ждать твой фильм с нетерпением, – искренне сказала Холли.

– Спасибо. – Деклан положил нож и вилку и вдруг засмеялся. – Кстати, до меня тут слух дошел... Ты вроде на следующей неделе поешь на конкурсе караоке? Ты че, серьезно?

– Что? – закричала Киара, вытаращив глаза.

Холли притворилась непонимающей.

– Да ладно тебе, Холли! – настаивал он. – Мне Дэнни сказал! – Повернувшись к остальным, он пустился в объяснения: – Дэнни – это владелец заведения, в котором у меня недавно был концерт, и он сказал, что Холли записалась на конкурс караоке.

– Деклан, Дэниел просто разыграл тебя. Всем известно, что я не умею петь! Да не смотрите вы на меня так! Ну правда, если бы я решила спеть на конкурсе караоке, я бы вам точно сказала. – Она засмеялась, как будто эта мысль показалась ей невероятно глупой. Если честно, она такой и была.

– Холли! – засмеялся Деклан. – Кончай врать! Я видел твоё имя в списке!

Холли положила нож и вилку. У нее вдруг пропал аппетит.

– Холли, почему ты не сказала нам, что собираешься участвовать в конкурсе? – спросила мать.

– Потому что я не умею петь!

– Тогда зачем ты в это ввязываешься? – расхохоталась Киара.

Почему бы и не сказать им, подумала она, Деклан все равно выбьет из нее правду. Да и родителям врать не хочется. Жалко только, что Ричард здесь.

– Ну ладно. На самом деле это длинная история. Это Джерри записал меня на этот конкурс несколько месяцев назад. Он хотел, чтобы я это сделала. Я ужасно боюсь, но чувствую, что должна через это пройти. Это глупо, я знаю.

Киара резко оборвала смех.

Холли смутилась, почувствовав на себе взгляды родных, и нервно заправила за уши прядь волос.

– Я думаю, что это прекрасная идея, – неожиданно объявил отец.

– Да, – добавила мать, – и мы все придем за тебя болеть.
– Нет, мам, не надо! Я не хочу раздувать из этого историю.
– Еще чего! – воскликнула Киара. – Если уж моя сестра будет петь на конкурсе, я точно приду!

– Мы все придем! – подхватил Ричард. – Ни разу не был на конкурсе караоке! Наверное, это очень... – он поискал слово, – ...забавно.

Холли застонала и закатила глаза. Лучше бы сразу поехала домой!

Деклан громко захохотал:

– Да уж, Холли, это будет... – он поскреб подбородок, – очень забавно!

– Когда это? – спросил Ричард, доставая ежедневник.

– Э-э... в субботу, – соврала Холли, и Ричард принялся писать.

– Неправда! – закричал Деклан. – Это в следующий вторник! Врунья!

– Черт! – выругался Ричард, чем вверг всех в изумление. – У кого-нибудь есть замазка?

Холли нервничала. Она практически не спала в эту ночь и только и делала, что бегала в туалет. Да и выглядела в точности так, как себя чувствовала. Под красными глазами огромные мешки, до крови искусанные губы.

Великий день настал. Сбылся худший из ее кошмаров – ей придется петь на публике.

Холли даже про себя никогда не пела – боялась, что стекла лопнут. Господи, ей опять надо в туалет! Нет слабительного лучше страха – за сегодня Холли, как пить дать, похудела килограммов на пять. Друзья и родственники старались ее поддержать, прислали открытки с пожеланием удачи. Шэрон с Джоном расщедрились на букет цветов. Она поставила его на свой защищенный от сквозняков и батареей отопления журнальный столик рядом с полумертвой орхидеей. А Дениз отличилась – прислала открытку с соболезнаваниями. Очень остроумно.

Холли надела наряд, который по указанию Джерри купила в апреле, и обругала мужа последними словами. То, как она выглядит, сейчас волновало ее меньше всего. Она распустила волосы, постаравшись максимально спрятать лицо, и накрашила ресницы водостойкой тушью. Как будто это поможет не расплакаться! Она знала, что этот вечер закончится слезами. Когда дело касалось самых дерьмовых дней ее жизни, у нее появлялся дар предвидения.

Джон и Шэрон заехали за ней на такси, но она не сказала с ними ни слова, про себя проклиная всех, кто заставил ее пойти на такую глупость. Ее мутило, и ей не сиделось на месте. Стоило такси остановиться на светофоре, ее одолевало искушение выскочить из машины и удрать, но, пока она набиралась храбрости распахнуть дверцу, загорался зеленый свет. Она не знала, куда девать руки, и без конца открывала и закрывала сумочку, как будто что-то в ней искала. Что она могла там найти?

– Расслабься, Холли, – сказала Шэрон. – Все будет хорошо.

– Отвали, – огрызнулась она.

Остальную часть пути они провели в молчании, даже водитель не отпускал замечаний. Наконец добрались до паба «У Хогана», и Джону с Шэрон пришлось долго уговаривать ее не прыгать в реку, а зайти внутрь. К ужасу Холли, клуб оказался набит битком, и ей пришлось долго протискиваться сквозь толпу к столику, который заняли ее родные (поближе к туалету, как она и просила).

Ричард, неуклюже скорчившись, восседал на барном табурете. В своем строгом костюме он выглядел здесь до крайности неуместно.

– Так, отец, расскажи мне о правилах. Что должна делать Холли?

Пока отец объяснял Ричарду «правила» конкурса караоке, нервы Холли напряглись до предела.

– Да здесь здорово, а? – восторженно сказал Ричард, оглядываясь по сторонам. Судя по всему, до этого ему еще ни разу не доводилось побывать в ночном клубе.

Вид сцены поверг Холли в ужас. Просто огромная, намного больше, чем она ожидала, а на стене – огромный экран, чтобы зрители могли читать слова песен. Джек сидел, обняв за плечи Эбби, и они оба послали ей дружескую улыбку.

Холли сердито посмотрела на них и отвернулась.

– Холли, тут такая потешная вещь произошла, – сказал Джек и засмеялся. – Помнишь того парня, Дэниела, с которым мы познакомились на прошлой неделе?

Холли взглянула на него. Она видела, что его губы шевелятся, но не понимала ни слова из того, что он говорил.

– Мы с Эбби приехали пораньше, чтобы занять столик, сидели и целовались, и тут этот парень к нам подходит и шепчет мне на ухо, что ты скоро придешь. Представляешь, он думал, что мы с тобой встречаемся! И что я тебе изменяю! – Джек и Эбби дружно расхохотались.

– Гадость какая, – сказала Холли и отвернулась.

– Да нет, – постарался объяснить Джек, – он же не знал, что мы брат и сестра. Мне пришлось ему объяснить... – Шэрон бросила на него предостерегающий взгляд, и Джек захлопнул рот.

– Привет, Холли! – К ним шел Дэниел со списком в руках. – Вот, слушай, порядок сегодня такой: сначала девушка по имени Маргарет, потом парень, его зовут Кит, а за ним ты. Хорошо?

– Значит, я третья.

– Да, сразу за...

– Все, подробности ни к чему, – грубо оборвала его Холли. Ей хотелось поскорее убраться из этого дурацкого клуба. Хоть бы они все перестали ее доставать и оставили в покое! Чтoб им ни дна ни покрышки! А хорошо бы, если бы земля вдруг разверзлась под ногами и поглотила ее! Или чтобы случилось стихийное бедствие, и всех бы срочно эвакуировали из здания. Она даже поискала глазами кнопку пожарной тревоги, не слушая, что говорит ей Дэниел.

– Холли! Холли, извини, что опять тебя беспокою, но... Скажи, пожалуйста, а твоя подруга Шэрон здесь? – Он смотрел на нее так, будто боялся, что сейчас она откусит ему голову. Правильно делает, что боится, подумала она.

– Вон она. – Холли кивнула на Шэрон. – Подожди, а зачем она тебе?

– Да просто хотел извиниться за разговор. – И он направился к Шэрон.

– За что извиниться? – запаниковала Холли.

– Ну, мы немного поспорили в прошлый раз. – Он явно не понимал, почему должен отчитываться перед ней.

– Знаешь, это совершенно лишнее, – запинаясь, сказала Холли. – Она наверняка уже об этом забыла. Только разборки нам сейчас и не хватает.

– Ну, не знаю... И все-таки я должен извиниться. – И он направился к Шэрон. Холли вскочила со своего табурета.

– Шэрон, привет! Я Дэниел. Извини за прошлый раз, когда мы говорили по телефону. Это недоразумение.

Шэрон посмотрела на него так, как будто у него была не одна голова, а по меньшей мере десять:

– Какое еще недоразумение?

– Ну, по телефону.

Джон на всякий случай обнял Шэрон за талию.

– По телефону?

– Э-э-э... Да, по телефону.

– Извините, как вас зовут?

– Э-э-э... Дэниел.

– И мы разговаривали по телефону? – спросила Шэрон и улыбнулась.

Холли отчаянно махала ей руками за спиной Дэниела. Дэниел нервно откашлялся.

– Ну, вы же звонили в клуб на прошлой неделе? А я снял трубку. Помните?

– Нет, не помню, – вежливо сказала Шэрон. – Видимо, вы меня с кем-то путаете.

Джон бросил на Шэрон вопросительный взгляд. Дай ему волю, он бы объяснил Дэниелу, куда ему следует пойти. Дэниел растерянно провел рукой по волосам и в недоумении начал поворачиваться к Холли.

Та отчаянно закивала головой, пытаясь привлечь внимание Шэрон.

– А-а-а! – вскричала Шэрон, как будто ее только что осенило. – Ну конечно, Дэниел! – с фальшивым воодушевлением продолжала она. – О боже, простите, у меня мозги в отключке. – Она засмеялась, как сумасшедшая. – Наверное, слишком много выпила, – сказала она, поднимая свой бокал.

На лице Дэниела мелькнуло облегчение.

– Ну слава богу, а то я уж решил, что схожу с ума! Так вы помните, что мы разговаривали по телефону?

– А-а-а, так вы о том разговоре по телефону? Не беспокойтесь об этом, – сказала она и махнула рукой.

– Просто я совсем недавно купил это заведение и еще ничего не знал про этот конкурс.

– Ну ясное дело! Да вы не волнуйтесь! Каждому нужно время, чтобы... э-э-э... приспособиться.

Шэрон быстро стрельнула глазами в сторону Холли – правильно она говорит?

– Ну вот, я рад наконец познакомиться с вами лично, – засмеялся Дэниел. – Может, табурет принести или что-нибудь еще? – шутливо предложил он.

Шэрон и Джон оба сидели на барных табуретах и в недоумении уставились на него. До чего странный тип... Джон проводил Дэниела подозрительным взглядом.

– О чем это он? – спросила Шэрон у Холли, как только тот отошел подальше.

– А, потом объясню, – буркнула Холли и отвернулась к сцене. На ней как раз появился ведущий конкурса.

– Добрый вечер, дамы и господа! – поприветствовал он публику.

– Добрый вечер! – закричал Ричард, который выглядел необычайно возбужденным. Холли закатила глаза.

– Нас ждет чудесный вечер... – Он говорил и говорил поставленным голосом диджея, пока Холли нервно переминалась с ноги на ногу. Ей снова отчаянно захотелось в туалет.

– Итак, первой перед нами выступит Маргарет из Талата, которая споет нам песню Селин Дион из «Титаника» – «My Heart Will Go On». Давайте пожелаем успеха красавице Маргарет!

Зрители зашумели, поддерживая исполнительницу. У Холли дико колотилось сердце. Самая сложная песня в мире – типично.

Когда Маргарет начала петь, в зале стало так тихо, что можно было услышать жужжание мухи.

Холли оглянулась и стала рассматривать лица зрителей. Они все смотрели на Маргарет с восхищением, включая ее собственных родственников. Предатели! Маргарет пела с закрытыми глазами, и пела с такой страстью, что, казалось, проживает каждую строчку песни. Холли в один миг возненавидела ее. Может, подставить ей подножку, когда она будет возвращаться на свое место?

– Ну разве не прелесть? – спросил диджей. Толпа одобрительно загудела, а Холли подумала, что вряд ли ее выступление вызовет такую же реакцию. – А теперь послушаем Кита! Может, вы помните его по прошлогоднему конкурсу – он тогда победил, а сегодня споет нам «Америку» Нила Дайамонда. Поддержим Кита! – Холли не могла больше этого слышать и побежала в туалет.

Она шагала от стенки к стенке и пыталась успокоиться. Колени дрожали, болел живот, в горле стоял комок. Она посмотрела на себя в зеркало и глубоко вздохнула. Не помогло, только голова закружилась. Толпа в зале зааплодировала, и Холли застыла от ужаса. Теперь ее очередь.

– Кит, как всегда, на высоте!

Все снова захлопали и закричали от восторга.

– Мне сдается, Кит мечтает поставить рекорд и выиграть два конкурса подряд! Что ж, пожелаем ему успеха!

Пожалейте лучше бедную Холли!

– Следующей выступит участница по имени Холли, и она споет нам...

Холли нырнула в кабинку и заперла за собой дверь. Никто и ничто на свете не заставит ее выйти отсюда.

– Итак, дамы и господа, давайте-ка поприветствуем Холли!

Зал разразился громом аплодисментов.

Глава четырнадцатая

Ровно три года назад Холли впервые в своей жизни пела под караоке. Так вышло, что в последний раз она пела под караоке тоже ровно три года назад.

Большой компанией они с друзьями отправились в паб по соседству с ее домом, чтобы отметить тридцатилетие одного из них. Холли тогда жутко устала, потому что две последние недели работала сверхурочно. Никакого настроения куда-то идти. Все, чего ей хотелось, так это прийти домой, принять ванну, надеть самую несексуальную из своих пижам, слопать плитку шоколада и растянуться перед телевизором на мягком диване рядом с Джерри.

Простояв в набитом вагоне электрички всю обратную дорогу от работы до станции «Саттон», Холли меньше всего на свете стремилась в духоту переполненного паба. В поезде одной щекой ей пришлось прижиматься к стеклу, а вторая оказалась прямо под потной подмышкой мужика, который забыл помыться. За спиной еще один мужик дышал ей в шею перегаром. К тому же каждый раз, когда вагон качало, он «случайно» прижимался своим огромным пивным пузом к ее спине. Она уже две недели каждый день страдала от этого унижения по пути на работу и домой, и ее терпение иссякло. Она мечтала о пижаме.

Наконец станция «Саттон». Какие-то умники ломились в вагон, не дожидаясь, когда из него выйдут другие пассажиры. Пока она пробивала себе путь сквозь толпу, пока выбиралась на платформу, ее автобус отъехал от остановки, полный счастливчиков, улыбавшихся ей из окон. Шел уже седьмой час, кафе закрылось, и она полчаса проторчала на ветру и холоде в ожидании следующего автобуса. От этого ее желание уютно устроиться с Джерри перед телевизором значительно окрепло.

Но тихий вечер дома ей не грозил. У ее любимого мужа оказались другие планы. Когда, вымотанная и дико злая, она дотащилась до дома, то обнаружила в нем кучу народу. Еще и музыка гремела во всю мощь. Какие-то незнакомые люди слонялись по ее гостиной с банками пива в руках и располагались на диване, который она намеревалась оккупировать на ближайшие несколько часов. Джерри стоял рядом с проигрывателем, изображая диджея. По его мнению, он выглядел круто. По ее – по-идиотски.

– Что случилось? – спросил Джерри, когда увидел, как она в ярости несется наверх, в спальню.

– Джерри, я устала как собака! – закричала она в ответ. – Я не в настроении для вечеринки, а ты даже не спросил меня, можно ли пригласить гостей. И кстати, кто все эти люди?

– Они друзья Конора, и, кстати, это и мой дом! – тоже заорал он.

Холли прижала пальцы к вискам и начала мягко массировать их, у нее была ужасная головная боль, и музыка сводила ее с ума.

– Джерри, – сказала она тихо, стараясь сохранять спокойствие, – я не говорю, что ты не должен приглашать гостей. Просто было бы хорошо, если бы ты планировал это заранее и ставил меня в известность. Тогда бы я не возражала. Но именно сегодня, когда я так устала, – она и правда еле ворочала языком, – мне очень хотелось расслабиться в своем собственном доме.

– Слушай, да у тебя каждый день так, – не выдержал он. – Ты больше вообще ничего не хочешь. Каждый вечер одно и то же. Приходишь с работы злая и орешь на меня по любому поводу.

Холли открыла рот от изумления.

– Извини, пожалуйста! Но у меня сейчас много работы!

– У меня тоже. Только я не устраиваю сцены, если что-то делается не так, как я хочу.

– Джерри, дело не в том, что я хочу, чтобы мы все делали, как я хочу, просто ты всю улицу собрал у нас...

– Сегодня пятница! – закричал он. – Уже выходные! Когда ты в последний раз куда-нибудь ходила? Ты можешь для разнообразия забыть о работе и расслабиться? Перестань вести себя как старая бабка! – И он выскочил из комнаты, хлопнув дверью.

Она не помнила, сколько просидела в спальне, ненавидя Джерри и мечтая о разводе. Но, немного успокоившись и подумав над его словами, она пришла к выводу, что он совершенно прав. Конечно, ему не следовало облекать свое недовольство в такие слова. Но, положив руку на сердце, весь этот месяц она была редкостной стервой.

Холли относилась к тому типу людей, которые всегда заканчивают работу ровно в 17.00. К этому часу она выключала компьютер, наводила порядок на столе, выключала свет и неслась прочь, чтобы успеть на электричку в 17.01, нравится это начальству или нет. Она никогда не брала работу домой, никогда не беспокоилась о будущем компании, потому что, если честно, оно ее мало волновало. По понедельникам она частенько сказывалась больной и вообще не появлялась на работе. Могла бы прогуливать и чаще, если бы не боялась, что ее уволят. И вот, не иначе как в результате временного помутнения рассудка, она устроилась на работу, которая требовала от нее брать бумаги на дом, засиживаться допоздна и переживать по поводу будущего компании. Ей это категорически не нравилось. Как ей удалось продержаться на том месте целый месяц, оставалось загадкой, но, как бы то ни было, Джерри попал в точку. Блин, как она могла быть такой дурой. Она уже несколько недель никуда не ходила с ним или с друзьями, а ночью засыпала, как только ее голова касалась подушки. Скорее всего, Джерри больше всего не нравилось именно это, а вовсе не ее стервозность.

Но сегодня все будет по-другому. Она покажет своему заброшенному мужу и друзьям, что она по-прежнему веселая, беззаботная и легкомысленная Холли, способная выпить больше их всех и пройти по прямой всю дорогу от паба до дома. Комическое представление началось с приготовления коктейлей. Одному богу известно, из чего она их делала, но они произвели магическое действие, и к одиннадцати вечера вся компания, пританцовывая, шагала по улице к пабу, где в тот вечер пели под караоке. Холли потребовала, чтобы ей дали спеть первой и не отставала от ведущего вечера, пока тот не сдался. В пабе было не протолкнуться. Шумная компания мужчин праздновала мальчишник перед свадьбой одного из них. Если бы в паб заранее пригласили съемочную группу подготовить декорации для сцены катастрофы, у них и то не получилось бы лучше.

Диджей сделал Холли мощную рекламу, поверив ее вранью о том, что она профессиональная певица. Джерри от смеха потерял дар речи, но она все еще рвалась показать ему, что умеет расслабляться, так что о разводе думать пока рано. Она решила спеть песню Мадонны «Like a Virgin» и посвятила ее парню, который на следующий день женился. Как только она взяла первые ноты, на нее обрушился такой шквал свиста и обидных выкриков, какого она не слышала за всю свою жизнь. Но она уже так налилась, что ей все было по фигу. Она продолжала петь для своего мужа – кажется, единственного, кто слушал ее без зверской гримасы на лице. В конце, когда посетители начали кидаться в нее чем попало, а ведущий подзуживал их свистеть еще громче, Холли поняла, что ее миссия выполнена. Стоило ей выпустить из рук микрофон, зрители так оглушительно заулюлюкали, что набежали посетители из соседнего паба – посмотреть, что случилось. Они увеличили число тех, кто видел, как Холли, спускаясь со сцены на шпильках, споткнулась и шлепнулась на пол. Юбка ее при этом задралась, открывая взорам застиранное серое белье, когда-то бывшее белым, – она не стала его менять, когда вернулась домой с работы.

Потом ее отвезли в больницу, убедиться, что она не сломала себе нос.

Джерри охрип от хохота, а Дениз и Шэрон – настоящие подруги, ничего не скажешь! – сделали на месте преступления несколько фотографий. Один из снимков Дениз потом использовала для приглашения на свою рождественскую вечеринку, сопроводив его заголовком

«Ужремся в лоскуты!». Тогда Холли и дала страшную клятву никогда больше не петь под караоке.

Глава пятнадцатая

– Холли Кеннеди! Ты здесь? – прогремел голос ведущего конкурса. Аплодисменты стихли, зато раздался шум голосов – все вокруг принялись искать Холли. Долго же вам придется искать, подумала она, опускаясь на сиденье унитаза. Ничего, пошумят-пошумят и перейдут к следующей жертве. Она закрыла глаза, опустила голову на колени и начала молиться, чтобы этот вечер поскорее прошел. Вот бы открыть глаза и оказаться в безопасности у себя дома через неделю. Она досчитала до десяти, уповая на чудо, а затем рискнула снова посмотреть на мир.

Она все еще сидела в туалете.

Но почему хотя бы раз в жизни она не может обрести магическую силу?

Холли знала, как все это будет. С той минуты, когда она вскрыла конверт и прочитала третье послание Джерри, она предвидела слезы и унижение. Страшный сон стал явью.

За дверью туалета стояла тишина. Она поняла, что очередь выступать перешла к следующему участнику, и успокоилась. Расправила плечи, разжала кулаки, расслабила сжатые челюсти и задышала свободнее. Свою панику она поборола, но все же решила выждать, пока запоем следующий конкурсант, и лишь потом покинуть свое убежище. Она бы вылезла в окно, но, к сожалению, туалет располагался не на первом этаже, а разбиться насмерть она не спешила.

Хлопнула входная дверь. Так, это явно за ней. Интересно кто?

– Холли?

Это оказалась Шэрон.

– Холли, я знаю, что ты здесь, поэтому просто выслушай меня, ладно?

Холли шмыгнула носом, сдерживаясь, чтобы не заплакать.

– Я знаю, каково тебе сейчас. Понимаю, как тебе страшно, но все-таки попробуй расслабиться, хорошо?

Голос Шэрон звучал так успокаивающе, что Холли снова расправила плечи.

– Холли, ты знаешь, как я боюсь мышей.

Холли нахмурилась. К чему она клонит?

– Для меня самым страшным кошмаром было бы войти в комнату, кишашую мышами. Можешь себе это представить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.